

ГЛЕБ ЛЮТАЕВ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ
ФАРВАТЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПРИСНЫЙ КУРС. ТОМ 1

Глеб Лютаев
Параллельный фарватер.
Присный курс. Том 1

*<https://litres.ru/74107034>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В закрытой психиатрической клинике исчезает ампула с экспериментальным лекарственным препаратом. Расследование поручают майору ФСБ.

Вскоре он понимает, что за пропажей ампулы стоит кто-то из сотрудников клиники, но улики для обвинения недостаточны. Череда совпадений и трудно объяснимых фактов приводят к тому, что сам майор становится прямым участником происходящих странных явлений.

На другом конце страны старший сержант Данила Кравцов возвращается из шумевшего морского похода, о котором ранее писали СМИ. Очень скоро Данила понимает, что спокойной жизни ему не видать, как не видать и тех, кого он потерял в Аденском заливе.

Майор ФСБ и "воскресший из мёртвых" морской пехотинец - зачем судьба или злой Рок сведёт их в скрытом от посторонних глаз лечебном заведении с загадочным названием "Лесная

сказка"? А может, лучше и не знать, потому что откроется не одна зловещая тайна.

Содержание

Благодарности	5
Пролог	9
Глава 1	21
1	22
2	32
3	44
4	55
Глава 2	58
1	59
2	69
3	78
4	87
5	94
6	101
7	107
Глава 3	110
1	112
2	125
3	128
4	137
5	146
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Глеб Лютаев

Параллельный фарватер. Присный курс. Том 1

Благодарности

Не секрет, что большой роман сложно написать в одиночку. И речь идёт не о соавторстве, а о сборе информации, консультировании по разного рода вопросам, в которых автор может не разбираться, или быть не достаточно осведомлённым.

«Параллельный фарватер. Присный курс» — большая книга. Уважаемый читатель, ты держишь в руках только один из трёх томов. Работа над романом длилась не один год и потребовала от меня не только усидчивости, но и поиска людей, которые могли вовремя подсказать те или иные медицинские термины, проанализировать: реалистичны ли описываемые события и персонажи.

В связи с этим хочу выразить благодарность Постарнакову Тимофею Сергеевичу — врачу-психиатру Психиатрической клинической больницы №4 имени П. Б. Ганнушкина. Долгими томными вечерами мы обменивались голосовыми сообщениями, обсуждали психические заболевания и симп-

томы, указывающие на них. Если я всё правильно понял, читатель поверит в то, что написано в романе. А ещё, Тимофей, сам того не подозревая, надоумил меня сделать один из самых значимых сюжетных поворотов и я безмерно рад, что это произошло вовремя.

Спасибо Виту — автору телеграм канала «Логово холостяка» за то, что свёл меня с вышеуказанным доктором. Сам бы я искал специалиста в области психиатрии гораздо дольше.

Алексею Родину — врачу-хирургу высшей квалификационной категории, кандидату медицинских наук, — безмерная благодарность за «аудит» книжного медицинского учреждения, в котором волею судьбы оказались главные герои романа. Я стараюсь избегать посещения клиник, особенно психиатрических, и как там всё устроено лучше узнать от профессионалов. И речь не о психиатрии, а о медицине в принципе.

Мой друг и по совместительству главный критик моего творчества Кирилл Ямковой традиционно попадает в раздел благодарностей за токсичный бета-ридинг романа. Он привычно кидал едкие замечания почти в каждой главе и выписал итоговое заключение, что книга плохая и автор я никакой. Естественно, конструктивно объяснил каждый пункт своей позиции. Именно такие люди на стадии написания романа и нужны.

Постоянный читатель моих книг и подписчик моего теле-

грам канала Игорь Медин любезно пояснил, в каких районах Тюмени могут проживать герои романа, а также в каких увеселительных заведениях могут празднично проводить время, как в одиночестве, так и в компании. Казалось бы мелочи, но именно они позволяют поместить вымышленных персонажей в реальные локации и придать истории правдивости.

Огромная благодарность моему бессменному редактору Алинде Ивлевой. С ней работаем уже над третьей книгой и я ясно осознаю, что романы получаются гораздо, *гораздо* лучше под её чутким надзором. Всё-таки образование у меня техническое, а не гуманитарное, где-то могу что-то и не доглядеть, а вот Алинда узрит всё и вся.

Спасибо Татьяне Поповой. Там где ничего не смутило Алинду, увидела нечто непонятное Таня, жанр хоррор в обычных условиях обходящая стороной за три версты.

Лиза Глум усердно корпела над корректурой. Со всеми этими запятыми, точками, тире и прочими знаками препинания я не то что бы на «вы», но всё равно не очень тесно связан. А Лиза общается с ними на одном языке.

Ну и в заключение спасибо моей семье. Супруге за то, что терпит моё сомнительное увлечение писательством, а сыну за его незамысловатую фразу: «Папа, я хочу почитать эту книгу, когда ты её напишешь». Он бросил эту фразу с заднего сиденья автомобиля в нашей совместной поездке в соседний город. По обыкновению я делился задумкой «Фарватера» с женой ещё до начала работы над книгой, хотел знать

её мнение. Сын подслушал и так увлёкся, что невольно стал первым восторженным пусть не читателем, но хотя бы слушателем короткого пересказа сюжета, что на этапе вынашивания идеи очень вдохновляет.

В целом, если многоуважаемый читатель останется доволен, пусть скажет спасибо этой немаленькой команде. Если найдёт ляпы, прошу винить в них только меня.

Пролог

— Стас, глуши вертикальные двигатели. Глубже пока не надо.

— Готово.

Судно закончило погружение, и Кирилл с облегчением выдохнул. Это далеко не первый его спуск и не самый глубокий, но первый в тропических водах.

— На какой мы глубине? — поинтересовался Специалист. Сильно изогнувшись, чуть ли не на четвереньках, он протиснулся в тесном пространстве аппарата к одному из трёх иллюминаторов и жадно прильнул к стеклу.

Кирилл с подозрением относился к странному пассажиру. Его отправили с ними на такое опасное задание с неясной целью. Когда Кирилл хотел возразить, командование чётко дало понять, что этот человек обладает неоспоримым авторитетом в экспедиции, игнорировать его требования и вопросы недопустимо, кроме тех, которые будут угрожать личному составу и самому аппарату гибелью.

Взглянув на глубиномер, старший гидронавт ответил:

— Тысяча пятьсот восемьдесят метров. До дна ещё пятьдесят, но пока не обнаружим объект, глубже погружаться не стоит. — Словно в подтверждение своих слов Кирилл взгляделся в экран монитора, где наружные камеры, установленные на корпусе аппарата, передавали чёткую картинку. Соб-

ственный голос немного расслаблял и позволял на время забыть о чудовищной массе воды, нависшей над ними и давящей на прочный корпус судна.

— Как далеко мы от нужного места? — не унимался Специалист.

Кирилл покосился на нежеланного спутника, облизнул кончиком языка пересохшие губы. Злился.

— На том исследовательском судне, на «Янтаре», гидролокаторы точно определили местонахождение затонувшего корабля. Судя по их данным и тем, что мы имеем сейчас, нам осталось около трёх кабельтовых, то есть примерно пятьсот метров. Повезло, что буксир затонул здесь, на относительно равнинном участке, а не затерялся среди хребтов или не лёг на дно Аравийской котловины. Её глубина более трёх тысяч, и поиски были бы не то чтобы бессмысленными, но как минимум затруднительными. Сейчас чуть подрулим и направимся непосредственно к объекту наших поисков. Давай туда. — Кирилл указал путь, обращаясь ко второму члену экипажа и ткнув пальцем в монитор.

Получив команду, Стас взял курс левее.

— Держи скорость в один узел, — сказал Кирилл.

— Понял.

Стас — надёжный напарник. Понимал с полуслова, никогда не возражал и, как Кирилл, тонко чувствовал аппарат, словно был с ним одним целым.

Носовые прожекторы образовывали светлый клин, взре-

завший темноту на тридцать метров вперёд, где изредка мелькали дивные глубоководные обитатели, шарахающиеся от непривычного для них яркого света. И гидронавты, и Специалист замороженно наблюдали за живностью, способной существовать в суровых условиях. Казалось, подводные твари совершенно не чувствуют ту нагрузку, что оказывает на них полутонна воды и отсутствие света. В первую очередь Кирилл думал о выполнении задания, но не мог не восхищаться удивительной выживаемостью обитателей океана, их многообразием и поразительным умиротворением, царящим здесь, в тиши морских недр.

Неожиданный писк сонара заставил мужчин отвлечься от созерцания глубоководной фауны.

— Что это? — с невозмутимостью в голосе поинтересовался Специалист, оторвав от иллюминатора одутловатое лицо. Капли пота на нём напоминали стразы, отражая свет мониторов и множества подсвечивающихся кнопок. Специалист в упор уставился на Кирилла.

— Всё в норме, какой-то выступ на дне. Сейчас обойдём. В подтверждение его слов писк затих, и восьмиметровое громоздкое судно неторопливо продолжило движение по заданному курсу в относительной тиши.

— Что у вас там, «Консул»? — раздался прерывистый голос в наушнике.

— «Янтарь», всё в порядке, — ответил Кирилл, потрогав мочку уха, будто это могло помочь улучшить связь.

— Что с приборами? — не унимался любопытный бас, принадлежавший одному из членов команды, ответственных за успешное выполнение операции и находящихся сейчас на борту судна-носителя, с которого «Консул» был спущен в воду.

Кирилл пробежался взглядом по приборной панели, в уме сверил показатели с нормой.

— Сонар запищал, на дне выступ, но уже прошли его. Температура, внутрикабинное давление, подача кислорода и поглотители двуокиси углерода в порядке. Визуального контакта с объектом пока нет.

Кирилл ждал новых вопросов, но услышал лишь «конец связи», чем был приятно удивлён. Расспросы сильно отвлекали и мешали. Однако того требовали подробные и выученные наизусть инструкции — игнорировать их нельзя.

Кирилл сверился с данными и отдал указания:

— Осталось меньше одного кабельтового, Стас, сбавляем ход.

Младший гидронавт выполнил команду, в то время как сам Кирилл принялся выискивать корабль на видеомониторе.

— Александр Юрьевич, — обратился он к Специалисту, — если увидите объект в иллюминаторе, сообщите.

— Конечно, — ответил тот и, громко вскрикнув, резко подался назад, врезавшись спиной в Стаса. Аппарат повело в сторону и качнуло, Кирилл выругался. Стас попытался вы-

ровнять аппарат, оттолкнув от себя неловкого Специалиста.

— Какого хрена?! — озлоблено возмутился старший гидронавт, схватившись за пульт управления и помогая коллеге стабилизировать ситуацию.

Специалист пришёл в себя. Побледнев, вцепился в ближайшую рукоять на корпусе. Стараясь держаться подальше от иллюминатора и приборов, сказал:

— Там что-то было, — он явно пытался унять дрожь в голосе.

— Где? — рявкнул Кирилл.

— За окном... За иллюминатором!

— Что было?

— Что-то крупное.

— То, что мы ищем?

— Нет. Кто-то проплыл рядом, за стеклом.

— Александр Юрьевич, — Кирилл злился, но пытался говорить как можно сдержаннее, — будьте аккуратнее. Мы находимся в очень глубокой жопе, и если, не дай бог, с аппаратом что-то случится...

— Я знаю! — резко оборвал его Специалист. Растерянности как не бывало. — Больше не повторится. Но там промелькнуло нечто большое.

— Рыба. Их тут полно, в том числе и крупных.

Специалист промолчал и снова уставился в иллюминатор, тыльной стороной ладони смахнув со лба капли пота. Кирилл со Стасом молча переглянулись, думая об одном и том

же: третий на их судне — лишний.

— Кажется, я вижу корабль, — сказал Специалист.

Кирилл посмотрел на экран монитора. Да, они определённо достигли цели.

Посреди океанского дна расположился небольшой буксир, чуть просевший в ил и изъеденный коррозией. Кирилл велел Стасу медленно двигаться вокруг затонувшего корабля, сам же тщательно осматривал на экране монитора его текущее состояние. Поразительно, но создавалось впечатление, что буксир лежит на дне уже не первый месяц, хотя такое исключено.

«Консул» завис напротив носовой части буксира. Сквозь зеленоватую мглу выбитыми иллюминаторами на Кирилла смотрела рубка корабля, на боку корпуса едва проглядывалась выведенная белой краской искомая аббревиатура: «МБ-205».

— Стас, давай ближе, хочу разглядеть, что там, в командирской рубке.

Напарник начал спуск, одновременно подходя ближе к самому буксиру. Винты субмарины поднимали с поверхности дна завихрения ила, словно экипаж ехал по пыльной грунтовой дороге на автомобиле. Видимость на мониторе резко ухудшилась.

Предупредив Стаса и велев ему держать «Консул» на месте, Кирилл покинул своё кресло, пробрался к носовой части аппарата и осмотрел буксир через небольшой центральный

иллюминатор. Справа от него тем же занимался Специалист.

— Я что-то вижу, — подал голос он, когда Кирилл пытался разглядеть на буксире какие-либо повреждения корпуса.

— Что именно? Где? — спросил старший гидронавт.

— В командирской рубке, или как она там называется.

Второй иллюминатор справа. Видишь?

Кирилл пригляделся. Действительно. Что-то во мраке небольшого помещения выделялось из общей картины.

— Может, какая-то плавучая деталь? Сиденье какое-нибудь?

— Непохоже, — возразил Специалист. — Оно болтается из стороны в сторону, как маятник.

Кирилл уставился в иллюминатор, но с такого расстояния так и не смог разглядеть. Обратился к напарнику:

— Стас, подойди чуть ближе и поднимись повыше. Чтобы мы на уровне рубки оказались.

— Да, босс. Но слишком близко не смогу. Очкóво.

Стас поднял «Консул», выровнял по уровню надстройки буксира и направил вперёд. Ил со дна океана улёгся, видимость в иллюминаторах улучшилась. Когда аппарат подошёл почти вплотную к кораблю, Стас прекратил движение.

— Точно! — выкрикнул Специалист. — Кирилл, смотри, там что-то есть. Что-то движется.

Кирилл и сам разглядел тёмный силуэт, вырисовывающийся в помещении командирской рубки. Он пытался оценить объект и есть ли угроза из-за его движений.

— Я не могу понять, что за хрень такая. Может, рыба? — обратился старший гидронавт то ли к себе, то ли к соседу, пристально разглядывающему нечто.

— Да не, — возразил Специалист. — Рыба улизнула бы уже.

Внезапно голос подал Стас, прежде невозмутимо выполнявший функцию рулевого.

— Босс, может, это? Того?

— Чего — того? — поинтересовался Кирилл, не отрывая взгляда от загадочного нечто.

— Ну, это, манипуляторами зацепим.

Старший гидронавт задумался. На борту «Консула» имелся манипуляторный комплекс. Он мог выдержать нагрузку до двухсот килограммов, но нужно ли это сейчас?

— Пока рано. И опасно. Придётся слишком близко к надстройкам подходить. Наша задача — разведывательная. Сейчас изучим, осмотрим, запишем на видео. А потом, после тщательного исследования записи на «Янтаре», будем разбираться, что делать дальше.

Специалист сохранял удивительную молчаливость, хотя, как объяснили Кириллу перед заданием, имел полномочия потребовать отступить от плана. При необходимости, он мог и настоять.

— Смотрите! — вновь подал голос чересчур наблюдательный Специалист. — Там что-то светится.

Кирилл окинул взглядом рубку буксира и обомлел. Внут-

ри отчётливо виднелся крохотный, хаотично перемещающийся огонёк, едва освещавший помещение изнутри.

— Что это? — тихо спросил Кирилл, больше обращаясь к самому себе.

Ответа не потребовалось. Через разбитый иллюминатор выплыла полуметровая светящаяся рыба. Метнувшись по сторонам, она направилась прямо на «Консул», но, очевидно, сторонясь двадцатитонного титанового гиганта, сменила курс и уплыла.

— Может, её мы и видели? — спросил Кирилл, сомневаясь в собственной версии.

— Нет, — твёрдо ответил Специалист, постучав пальцем по стеклу иллюминатора. — Тот объект по-прежнему на месте. И он вроде изменился.

Кирилл присмотрелся, силясь понять, что именно они наблюдают. С замиранием сердца он обнаружил, как маятник внутри рубки вдруг видоизменился и вместо плавных колебаний справа-налево будто накренился вперёд. Затем передняя часть тёмного силуэта медленно высунулась из иллюминатора, и Кирилл выпалил:

— Мать честная! — Он почувствовал, как пересохло в горле.

— Что там? — спросил Стас, не сумевший разглядеть силуэт на мониторе.

— Что с ним такое? — громче спросил Кирилл, игнорируя вопрос напарника.

Объект плавно вытекал из рубки. Сначала за ржавую стенку надстройки перевалила массивная половина, затем удивительным образом — будто управляемая кукловодом — наружу просунулась оставшаяся часть. Через пару секунд объект показался целиком.

— Вы видите? Это человек! — то ли радостно, то ли испуганно выкрикнул Специалист.

Никто не ответил. Теперь все трое заворуженно наблюдали, как обезображенное человеческое тело, подобно космонавту в состоянии невесомости, зависло рядом с капитанской рубкой в полный рост, неторопливо вращаясь вокруг собственной оси. При этом его ноги были выпрямлены и прижаты друг к другу, а руки опущены вдоль тела. Весь его образ напоминал игрушечного оловянного солдатика. Освещённое ксеноновыми прожекторами «Консула», тело представляло жуткую, почти сюрреалистичную картину.

— Что делаем, босс? — поинтересовался Стас, и от его голоса Кирилл вздрогнул.

— Не знаю, давай спросим у «Янтаря».

Только он собрался связаться с начальством, как тело за иллюминатором сменило положение. Оно подалось вперёд, примерно под углом сорок пять градусов в сторону «Консула» и пришло в движение под воздействием какой-то невидимой, скорее, неведомой силы.

— Он что, плывёт? Как такое возможно? — кажется, на этот раз эмоции Специалиста были более понятными.

Кирилл не ответил. Не спуская глаз с трупа, он отдал указания напарнику:

— Стас, давай-ка назад. Мне это не нравится.

— Согласен, — только и ответил тот и плавно дал задний ход.

Тем временем тело стремительно увеличивалось в размере, приближаясь к «Консулу». Кирилл с ужасом наблюдал, как одутловатые останки двигаются к ним без какой-либо помощи извне. Когда человеческий силуэт, освещённый прожекторами, достиг опасной близости, Кирилл не выдержал и заорал:

— Полный назад!

Но аппарат не мог плыть быстрее тела. Оно настигало судно. Теперь Кирилл отчётливо видел, как на изуродованной физиономии мертвеца обнажился жуткий оскал. В мгновение гидронавт разглядел гниlostную плоть, местами покрытую багровыми пятнами. Из изъеденного вместе с внутренностями живота словно по собственной воле высовывались остатки кишок, плавно колыхавшиеся в воде подобно щупальцам осьминога. Челюсть на лишённом кожи черепе то открывалась, то закрывалась, как в предвкушении добычи, а руки, местами изгнившие и покрытые страшными коричневыми наростами, плавно виляли, словно рыбы плавники.

Отпрянув от стекла иллюминатора, Кирилл сжал в кулаки потные ладони. Его трясло от ужаса. С замиранием сердца, преодолевая неистовое желание закричать, он наблюдал,

как за пару метров до корпуса судна мерзкая сущность раскинула конечности в стороны. По центру живота зияла большая чёрная дыра. Сгнившие кишки каким-то образом разделились, создав некое подобие большой круглой щётки. Они плавно колыхались в воде и будто собрались присосаться к судну. Через мгновение тело с глухим звуком ударилось о титановый корпус. Последнее, что увидел старший гидронавт, прежде чем его разум затмила темнота, были пустые чёрные глазницы мертвеца, в которых он увидел собственное обезумевшее от страха отражение.

Глава 1

Выписка из судового журнала «МБ-205»

День 9

29 апреля, понедельник

До 02:00 находились в районе интенсивного судоходства на выходе из Суэцкого залива. Огромные контейнеровозы постоянно обходили нас с нашим десяти узловым ходом. Маневрируя, пытались пройти между нами и танкером «Иван Корсаков», находившимся от нас в дистанции 15-20 кбт¹. На пути следования – большое количество мелких судов, занятых, судя по маневрированию, рыбной ловлей. Предположительно суда деревянные, на экране РЛС они почти не различимы даже на малой дистанции. Единственный ориентир – огни, достаточно яркие и заметные.

---

¹ Кбт – кабельтовых. Кабельтов – внесистемная единица длины, применяемая в мореходной практике, равная одной десятой морской мили, т. е. 185,2 м.

Праздничные дни проходили, мягко говоря, так себе. На работе.

И не у него одного.

Слава копошился в огромной кипе бумаг, когда начальник вызвал его к себе. Допив остатки крепкого кофе, он с омерзением почувствовал на зубах неприятный привкус не растворившегося осадка. Второпях поставив грязную кружку на стол, заправил рубашку в джинсы и, затянув покрепче ремень, вышел из кабинета.

В длинном светлом коридоре о чём-то оживлённо переговаривались несколько коллег. Не обращая внимания на Славу, они уставились в телефон, где один из них что-то показывал другому, тыча пальцем в экран. Сухо кинув «привет», Слава миновал их и замер перед входом в кабинет начальника. Помедлив секунду-другую, постучал.

— Да! — послышалось за дверью.

Слава надавил на ручку и заглянул внутрь.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Да, Слав, заходи. Присаживайся, есть разговор.

Слава вошёл. Обычно он не любил беседы с начальством. Раньше занимался оперативной работой и работой следователя. Расследования интересных дел и прочие аспекты профессиональной деятельности ему нравились. Однако в по-

следнее время он корпел над бесконечным потоком бесполезных бумаг, поэтому разговор казался хоть каким-то, но всё же разнообразием в ежедневной рутинной работе.

Слава присел на стул по правую руку от начальника и облокотился на крупный Т-образный деревянный стол для совещаний. Напротив него, из слегка приоткрытого окна, тебя жалюзи, струился свежий зимний воздух. Системный блок рабочего компьютера начальника томно гудел, дополняя звуки города, доносившиеся с улицы. Свет в кабинете был настолько ярким, что лампы с потолка отражались на лакированной поверхности стола.

Начальник встал с кресла, прошёл к кулеру, налил себе холодной воды в одноразовый стакан и выпил. Его действия выглядели прелюдией к неприятной теме. Слава насторожился.

Начальник смял стакан, выкинул в мусорное ведро, потянулся, развёл руки в стороны, отчего его плотно сидящая рубашка опасно растянулась, оголяя между пуговицами внушительных размеров волосатый живот. Он мельком глянул на портрет президента, висящий на стене, и, словно получив безмолвную команду, заговорил:

— Итак, — начал полковник, садясь в массивное кожаное кресло и уставившись Славе прямо в глаза. — Как дела у тебя?

Слава многое мог бы рассказать о своих делах, но на самом деле никому это неинтересно. В особенности начальни-

ку такого уровня.

— Всё нормально, Константин Михайлович.

Полковник взял со стола шариковую ручку и, зажав между указательным и средним пальцем, принялся шустро раскачивать, как маятник. Лысина на его большой голове, подобно столу, отражала свет ламп с потолка, а его широкое, с пухлыми и обвисшими щеками лицо было задумчивым, будто он не знал, как продолжить беседу. Именно за эти щёки при первой их встрече Слава тут же прозвал начальника Бульдогом. Сначала хотел Мопсом, но слишком быстро понял, что этот лысый мужик чересчур боевой.

— Как твоя работа продвигается? Есть успехи?

— Есть. Завтра будет отчёт.

— Понятно, понятно. — Полковник откинулся на спинку кресла о чём-то размышляя, продолжив издеваться над несчастной ручкой. В этот момент он был похож на человека, испытывающего выдержку подчинённого.

— Ладно! — он подался вперёд, засунул ручку в органайзер и сложил две огромные ладони в замок, закинув руки на стол. — Давай ближе к делу. Есть у меня для тебя работёнка, но если не готов или боишься облажаться, то сразу так и скажи. Дело серьёзное, и твои бывшие навыки придутся как нельзя кстати. Что скажешь?

Слава не знал.

— Зависит от работы. Разрешите уточнить, о чём речь? А то пока непонятно.

— Хочешь вернуться в следователи или так и будешь с бумажками возиться?

Хотел ли Слава вернуться к подобной работе?

Да он об этом мечтал! Может, чуть больше мечтал об оперативной работе, но и следователем с радостью потрудился бы, как в старые добрые времена.

Вот только бумажек там ничуть не меньше, а даже больше, и начальник об этом знает. Посыл в другом.

Весь смысл его жизни заключался именно в расследованиях, и лишь по злой иронии судьбы, поддавшись эмоциональному порыву, Слава был брошен сюда, в жопу мира, возиться с документами вместо того, что умел по-настоящему хорошо.

— Конечно хочу, но в чём подвох? — он старался не выдать волнения.

Полковник ухмыльнулся, сощурился и без того маленькие пороссячи глазки. И всё же вид его был серьёзным.

— Подвох, Вячеслав Сергеевич, в том: если провалишь дело, карьера твоя окончательно пойдёт под откос. Точнее, оборвётся, так толком и не начавшись. Кроме того, заданию присвоен гриф «Особой важности»². Понимаешь, о чём это

---

² В России установлены три степени секретных сведений, составляющих государственную тайну, и соответствующие этим степеням грифы секретности. «Особой важности» — сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, научно-технической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб интересам РФ в одной или нескольких из перечисленных областей. Также

говорит?

— Что на Бали я поеду не в этой жизни.

Полковник немного выждал, дав подчинённому обдумать информацию, затем продолжил:

— Докладывать о ходе расследования будешь лично мне, я — передавать в Москву.

— Дело на контроле у Москвы?

— А то.

— Почему они своего человека не пришлют? Было бы логичнее.

— Логичнее, — согласился полковник. — Но по неизвестной мне причине они даже куратора не направляют. Возможно, хотят сократить количество людей, привлекаемых к делу, но всё равно... Как ты понимаешь, вопросов лишних я не задавал.

Конечно, не задавал, ведь кто вопросы задаёт, тот по службе не растёт. А Бульдог рос как на дрожжах или как бойцовый пёс на стероидах.

Слава с тревогой обдумывал услышанное. При таких вводных его дальнейшая работа в Федеральной службе безопасности была под большим вопросом. Если он оплошает, не видать ему ни подполковничьих звёзд на погонах, ни повышения в должности, да и вообще поди пинка под зад дадут. А если при таком грифе секретности информация о ходе расследования куда-нибудь утечёт... Лучше и вовсе об этом

бывают степени секретных сведений «Совершенно секретно» и «Секретно».

не думать. Слава был чрезвычайно заинтригован.

— Так что за дело, товарищ полковник? — от волнения он погладил поверхность стола вспотевшей ладонью.

Не помогло.

Полковник взглянул исподлобья.

— Так ты согласен?

— Как будто у меня есть выбор.

— Как ни странно, есть. Но я хочу привлечь именно тебя, потому что с одного из предыдущих мест службы о тебе очень лестно отзывались, до того, как произошли известные нам двойные события. И не только оттуда, сам понимаешь. Ты у нас нюхач со стажем, чуйка у тебя особенная. Но с тех пор многое поменялось. В тебе поменялось. Уверен, что в этот раз не наворишь делов?

— Уверен, — без запинки ответил Слава.

Для него это был последний шанс вернуть своё доброе имя.

— Я расскажу, в чём суть, но только если ты согласен.

— Согласен.

Начальник снова встал с кресла, подошёл к приоткрытому окну и, засунув руки в карманы широких чёрных брюк, взглянул на улицу. Всматриваясь через щели между жалюзи, он словно пытался что-то выискать за холодным стеклом. Затем отошёл от окна и продолжил разговор, неспешно расхаживая по кабинету, убрав руки за спину.

— В районе Винзелей — это ПГТ в тридцати километрах

от города. Слышал?

— Ага. Зоопарк там вроде неподалёку и психушка. — Славе приходилось то и дело вертеть головой, провожая взглядом блуждающего начальника.

— Точно, психушка. Но не та, о которой всем известно. Я сам не знал, но оказывается, неподалёку, в лесу, имеется ещё одна, неприметная. О её существовании знает ограниченный круг людей, а сотрудники имеют форму допуска не ниже второй. Москва выпишет тебе пропуск, по которому ты сможешь попасть в клинику. Внешне больница выглядит как санаторий. На самом деле — является закрытым, секретным, чуть ли не стратегическим объектом. Не вздумай о нём с кем-то говорить, кроме меня: ни из Управления, ни с женой, ни с кем! За разглашение информации попадёшь под статью о госизмене. Все необходимые бумаги подпишешь.

Полковник сделал паузу, остановился и посмотрел на Славу, который не смог скрыть удивления. Предстоящее задание походило больше на сценарий к зарубежному фильму, нежели на обычную работу офицера ФСБ.

Поняв, что пришло время вопросов, Слава поелозил задним местом на стуле, снова провёл вспотевшими ладонями по лакированной глади стола, собрался с мыслями и, наконец, выдавил из себя:

— Очень мило. Пусть так, но что такого случилось в этой клинике, раз она секретная и охраняемая? Где их собственная служба безопасности, они ведь должны быть крутые?

Полковник продолжал бродить по кабинету. Его руки опять скрылись в карманах брюк.

— А вот тут мы переходим к главному. Есть подозрение, что преступление совершил кто-то из сотрудников. Либо — каким-то невыслышимым образом — один из пациентов, но лично я в этом сомневаюсь. Как я понял, там тяжёлые больные находятся, вряд ли у них хватило бы ума на подобное.

— Конечно, из сотрудников, раз объект режимный. Так что случилось? — повторил Слава, воспользовавшись паузой.

— В общем, украли экспериментальное лекарство, которое ни при каких обстоятельствах не должно попасть в чужие руки. Насколько оно эффективно и в чём заключаются его свойства, не знаю, но как известно, даже в обычных клиниках имеются препараты, находящиеся на строгом учёте. Чему тут удивляться?

В этой истории было чему удивляться, но Слава промолчал.

— Поэтому, — полковник продолжил, опустив голову и с интересом разглядывая свой ботинок, — твоей первостепенной задачей и будет выяснить: что за препарат, где хранился, кто имел доступ. В общем, не мне тебя учить, разберёшься.

Начальник, похоже, сказал всё, что хотел, а потому погрузился в кресло, спинка которого от его туши чуть не выгнулась в обратную сторону. Взяв ручку, вновь принялся вертеть её пальцами.

Слава спорить не стал, но решил уточнить ещё пару моментов.

— А как мне быть с теми делами, что веду сейчас? И как доклад осуществлять?

— Кстати, да. Минуту, — Начальник схватил трубку стационарного телефона внутренней связи и набрал номер. — Логачёв, зайди, — сказал он и тут же вернул трубку на исходную. — Сегодня же передашь все дела Логачёву. Чуть позже мне пришлют необходимые бумаги и более подробную информацию о деле. Как прочитаю, отдам тебе. Ты должен будешь ознакомиться и вернуть. Доклад о результатах работы — мне на стол каждое утро. Всё делать только на компьютере в «тёмной»³. Усёк?

Слава кивнул и в мыслях со злорадством «посочувствовал» сменщику.

Когда пришёл коллега, полковник отдал ему указания и отпустил обоих сотрудников. Логачёв покинул кабинет первым. Слава выходил следом, но начальник окликнул его. Тот развернулся и вопросительно посмотрел на полковника.

— И ещё, Слав. Не лезь туда, куда не надо. Мне вся эта история не нравится, слишком много внимания от руководства, и клиника какая-то мутная, хрен разберёшь, но похоже, её курируют оттуда. — Он вскинул вверх указательный па-

---

³ «Тёмная» — проф. жарг. Здесь: комната без окон, предназначенная для работы с секретными документами «особой важности». В Управлении ФСБ многие кабинеты приспособлены для работы с документами, содержащими гостайну. В данном случае «тёмная» имеет особое значение.

лец и посмотрел на потолок. — Постарайся как можно меньше вынюхивать там о самой психушке. Твоё дело — найти лекарство и виновного в его краже. Всё, иди.

Слава покинул кабинет со смешанными чувствами. Если верить начальнику, ему было поручено сегодня, возможно, самое важное дело в жизни. И в то же время, он получил самый пространственный инструктаж за всю карьеру.

Анна радовалась, что сегодня выпала её очередь дежурить. Рождество, как и Новый год, навевало грустные воспоминания из детства, а работа хоть немного отвлекала. Если бы осталась дома, в тёплой, уютной, но безжизненной квартире, словно из брандспойта нахлынул бы поток мыслей об одиночестве и смерти, о близких, которых она потеряла, и тех, чьи образы остались лишь в её памяти.

Сидя у себя в кабинете, в удобном кожаном кресле, Анна пролистывала толстенный том «Гипериона» и никак не могла ухватиться за идею, которую пытался донести Симмонс до читателя. Буквы заполняли страницы, но общая картинка не складывалась. Разум то погружался в размышления, то норовил проанализировать необъяснимое исчезновение лекарственного препарата, стоящего на строгом учёте в клинике. Анна знала, что нужно чем-то себя отвлечь, но сегодня чтение оказалось не лучшим решением.

Захлопнув книгу на том месте, где кровожадный Шрайк⁴ разделялся с очередной жертвой, Анна выключила настольный светильник, сняла очки, крутанулась в кресле и, наслаждаясь сумраком кабинета, посмотрела в окно. Ночной зимний пейзаж наполнял душу спокойствием. Крупные хлоп-

---

⁴ Шрайк — вымышленный персонаж научно-фантастической тетралогии «Песни Гипериона» американского писателя Дэна Симмонса.

пья снега, подсвеченные уличными фонарями, неторопливо выделявали в воздухе своеобразные языческие пляски, ложась на поблёскивающие в ночи сугробы. Деревья, припорошенные снегом, застыли в безмятежном спокойствии, и тишина за окном придавала картине поистине волшебный дух Рождества.

Задумчиво просидев так некоторое время, Анна нацепила очки, встала с кресла, включила свет, подошла к зеркалу и поправила уложенные волосы. Затем одёрнула полы слегка помявшегося врачебного халата и вышла из кабинета на внеплановый обход.

Ночное освещение в клинике было идеальным. Свет потолочных ламп неяркий, но достаточный, чтобы комфортно перемещаться по коридорам и лестницам. Анна дошла до комнаты охранника, где расположился крепкого сложения парень по имени Дима. Он попивал кофе и пристально следил за происходящим в клинике через систему видеонаблюдения. Несколько мониторов с высоким разрешением выдавали изображения из всех корпусов. На каждом мониторе экран делился на множество прямоугольников, где в режиме реального времени можно отследить любые изменения обстановки. На широком столе находилось несколько стационарных телефонов, радиостанции и система оповещения.

— Ну как там наши детки? Всё спокойно? — спросила Анна, встав в дверном проёме и скрестив руки на груди.

Охранник мельком глянул на гостью, после чего снова

уоставился в мониторы и вяло ответил:

— Спят, родненькие. Даже как-то скучновато. Были ж лишние времена. Ты куда, на обход? Вроде ж не по графику.

— Пойду развеюсь. Хочу глянуть, что там на этаже, не буйнит ли кто. До сих пор не могу понять, почему камеры установили везде, где можно, но только не в палатах.

Дима пожал плечами и звучно отхлебнул кофе.

— Как — зачем? Чтобы никто лишний раз не видел, чем вы, врачи, с пациентами занимаетесь, какие попытки применяете и какие эксперименты ставите на несчастных. — Он улыбнулся. — К тому же там ведь не самые буйные живут. Чего за ними смотреть? Хотя, — парень поднял взгляд к потолку, — у буйных в палатах тоже камер нет. — И хмыкнул.

По своему опыту Анна знала, что в таком деле, как психиатрия, никогда нельзя быть на сто процентов уверенным в стойкой ремиссии больных. Порой даже самые смирные пациенты, руководствуясь необъяснимыми мотивами, могут учинить погром, навредить себе или окружающим.

— Очень смешно. Про то, что не самые буйные, согласна. Но всё же. Наличие камер обезопасило бы больных. Всякое бывает.

— Точно. Одним словом — психи. — Дима развернулся в кресле лицом к Анне. Подняв чёрную бровь, иронично заметил: — К тому же за что вам платить, если вместо обхода вы будете пялиться в экран монитора?

— Наверное, за то же, за что платят и вам.

Дима громко хохотнул, ударив ладонью по своему бедру.

— Отлично подмечено, — сказал он. — За такое безделье и люблю эту работу.

Анна не сдержала улыбку, хоть ей не нравилось, когда пациентов клиники называли психами, пусть таковыми они и являлись. Она верила, что эти люди имеют право на достойное к себе отношение, и от этого, возможно, зависит их выздоровление.

Анна взглянула на один из мониторов, где в нижнем углу изображение передавало картинку из коридора на втором этаже, и вздрогнула.

— Что это? — сказала она так громко, что расслабленный охранник чуть не выронил кружку.

— Где? — спросил Дима, поперхнувшись. Он вперился в экран, выискивая подозрительные движения на видео.

Анна подошла ближе и ткнула пальцем в монитор.

— Смотри, там кто-то есть.

Охранник пригляделся. Наклонившись над столом, чуть ли не упёрся в экран мясистым носом.

— Там нет никого, — заключил он.

— Да нет же! Вон! В конце коридора! Увеличь скорее.

Вильнув компьютерной мышкой и наведя курсор на нужное место, Дима увеличил изображение, заполонившее теперь весь экран монитора. Анна с открытым ртом разглядывала картинку, но так ничего и не увидела.

— Ты чего это, Ань? — настороженно поинтересовался

охранник, сидя в кресле и удивлённо таращась на девушку, нависшую над ним.

Анна не нашла ответа. Отстранилась, но продолжала смотреть на экран.

— Наверное, показалось.

— Что показалось?

— Там кто-то стоял. В конце коридора.

— Кто стоял?

— Да мне откуда знать? Я не поняла.

— Сейчас.

Охранник быстрым движением поочерёдно увеличивал изображения со всех камер, расположенных на втором этаже. Он просмотрел лестничную площадку и выход в другое крыло здания, где находилась реабилитационная зона⁵. Не обнаружив ничего подозрительного, Дима вернул картинку в исходное состояние и повернулся к Анне.

— Никого. Если хочешь, можем вместе пойти посмотреть. Или санитаров позови.

Анна знала, что охранникам покидать своё место разрешалось только в исключительных случаях, требующих их непосредственного вмешательства. Обычно с внештатными ситуациями справлялись санитары клиники, больше похожие на клубных вышибал.

---

⁵ Реабилитационная зона в психиатрической клинике – зона, где для пациентов организовывается досуг, трудотерапевтическая терапия. Например, арт-терапия, рукоделие, просмотр кино, настольные игры и другие хобби.

Видение Анны — не исключительный случай, но Дима легко нарушил бы инструкции и вместе с ней сделал бы обход, будь в том необходимость. Они знакомы не первый год и часто дежурили вместе.

— Нет, Дим. Спасибо. Видимо, и правда показалось. Не хочу, чтоб тебе потом влетело.

Охранник закатил глаза.

— Да ладно. Отписался бы. Ты же кого-то увидела. В общем, смотри сама.

Анна ещё раз поблагодарила охранника и проследовала к лестничному маршу. Поднявшись на второй этаж, она посмотрела через небольшое окошко в двери на происходящее в коридоре, где видела силуэт человека. Тщательно изучив помещение, освещённое голубоватым светом ночных ламп, Анна убедилась, что там никого нет. Мысленно посмеявшись над необоснованной тревогой, открыла дверь.

Справа и слева располагались палаты: по десять с каждой стороны. Палаты — громко сказано. Они больше напоминали тюремные камеры с запертыми снаружи массивными металлическими дверьми, оборудованными смотровыми окошками на уровне лица, и небольшими форточками ниже, предназначенными для передачи пищи и, в редких случаях, книг.

Почти все палаты были заняты больными, за исключением трёх в конце коридора. Анна шла и поочерёдно заглядывала в каждое окошко, убеждаясь в том, что пациенты спят

и не дебоширят. Царящую на этаже тишину нарушало лишь мерное гудение ламп и редкое, особенно сильное похрапывание некоторых больных, слышимое даже через закрытые двери.

В целом, атмосфера на этаже была приемлемой как для врачей, так и для пациентов. Стены окрашены в тёплые бежевые тона. По ночам тусклая подсветка в коридоре и ещё более тусклое освещение палат не доставляли пациентам никаких неудобств. Днём же, наоборот, весь этаж был заполнен ярким светом.

Дойдя до середины коридора, Анна заглянула в палату к недавно прибывшему пациенту с крайне интересными симптомами. Он не спал. Мужчина неуклюже сидел на корточках. Спустив штаны и держась руками за кровать, испражнялся на пол.

«Проклятье!» — сквозь зубы выдавила Анна.

Уже третий подобный случай с этим персонажем. В каждой палате на втором этаже имелся унитаз, все без проблем справляли нужду туда, но *этот*...

Убирать экскременты должны санитары, или медсёстры. Однако к некоторым пациентам медицинский персонал, за исключением лечащих врачей, в палату не допускался, и при подобных конфузах убираться приходилось, как ни странно, докторам, пока главврач не даст иное указание. Анна — заведующая отделением, и, кроме этого человека, у неё на индивидуальном попечении никого не было. Почему его дове-

рили именно ей, она не понимала. Почему он вёл себя подобным образом — тем более. Но больше всего её раздражало, что врач должен сам делать работу, которую обычно выполняет младший медицинский персонал.

Чем этот пациент отличался от других, Анна не знала. Но допускать кого-либо к нему в палату без её сопровождения было запрещено, за исключением случаев агрессии. Анна подозревала, что отсутствие камер в палатах тоже является какой-то маразматичной тягой к секретности, чтобы никто из той же охраны лишний раз не видел, что происходит с больными и что делают врачи.

Не повезло только ей. Периодически пациент как нарочно гадил на пол, а потому именно Анне, как лечащему врачу, предстояло убирать экскременты мужчины, отмывать пол и проводить санитарную обработку его тела. Хоть и не профессионально, но подобные процедуры были ей омерзительны. Она надеялась, что скоро это закончится и к нему допустят санитаров и медсестёр. А пока приходилось терпеть за возможность трудиться в лучшей психиатрической клинике страны.

Лучшей по *её* мнению.

Из тускло освещённой палаты пациент пялился на Анну с глупой ухмылкой, будто поджидал её и понимал, о чём она сейчас думает. Вот только понимать он ничего не мог. Его случай казался Анне интересным и небезнадёжным, но пока мужчина был слишком далёк от реальности.

Нарочито показательно, словно в отместку, Анна прошла дальше, оставив уборку на утро. Пусть сидит и дышит своими же испражнениями, раз так нравится гадить там, где спит.

Дойдя до крайних палат, Анна развернулась и собиралась пойти обратным путём, как вдруг вспомнила о недавнем видении. По инерции, поочерёдно заглянула сначала в предпоследнюю пустую палату справа, затем в следующую. Чего ждала, не понимала, но почему-то с облегчением выдохнула и ради самоуспокоения кинула взгляд в третью палату.

От неожиданности Анна вскрикнула, попятилась, споткнулась, и если бы не упёрлась спиной в стену, то упала. Замерев, она испытала животный страх — в палате, которая должна быть *пустой*, кто-то находился.

Анна повернула голову в сторону камеры, висящей у выхода, и указала рукой на дверь, напротив которой стояла. Ощупав карман халата, где обычно носила радиостанцию, с досадой обнаружила, что забыла о ней, когда уходила из кабинета. В надежде, что охранник увидит происходящее и прибежит, она продолжала стоять, боясь пошевелиться, пока любопытство не взяло верх.

Поразмыслив логически, Анна решила, что увиденное опять почудилась, и двинулась в сторону палаты убедиться в этом. Подойдя к двери на расстояние вытянутой руки, заглянула в окошко.

Тело прошиб озноб — в дальнем углу спиной стояла маленькая девочка, одетая в джинсы и розовую кофту. Светлые

волосы были очень коротко — по-мальчишески — острижены, локти прижаты к бокам, будто закрывала ладонями лицо.

Анна с замиранием сердца наблюдала за неизвестно откуда взявшимся ребёнком. Её переполняла палитра противоречивых чувств — страх, жалость, любопытство. Кто эта кроха? Откуда она здесь и как оказалась внутри? Чьих рук дело? Или чья-то злая шутка?

В клинике не было детского отделения, а все пациенты в основном — опаснейшие преступники, как на нулевом этаже, либо, как на этом, социопаты с ярко выраженным проявлением различных видов шизофрении.

Анна снова посмотрела в сторону выхода, но Дима, чутко следивший за камерами, не спешил на помощь. Когда страх сбавил обороты, Анна взяла себя в руки, подошла ближе к двери и тихо постучала в оконце в надежде, что девочка обернётся. Малышка не реагировала и по-прежнему стояла к Анне спиной.

Может, именно эту девочку видела на видео, и она исчезла, скрывшись в палате? Но даже если так, то пустующие палаты обычно заперты, как вышло, что эта оказалась открытой?

Анна дёрнула ручку — дверь не поддавалась. Тревога нахлынула новой волной, а желание сходить за охранником лишь усилилось. Едва подумав об этом, Анна вспомнила, с каким выражением лица Дима смотрел на неё, когда она пыталась убедить его, что на этаже кто-то есть.

Нет, нельзя врачу-психиатру быть похожей на своих пациентов. К тому же это ведь всего лишь маленькая девочка, ничего ведь не будет, если Анна осмотрит её? Как малышка оказалась здесь и почему никто не сообщил о ней заведующей отделением, она выяснит завтра у главврача.

Анна достала связку ключей и провернула нужный в замочной скважине. Девочка, как и прежде, не реагировала. Анна открыла дверь, сделала шаг вперёд, стоя на пороге, и негромко спросила:

— Эй, малышка, ты как здесь оказалась?

Тишина.

Девочка молчала и даже не обернулась. Анна осознала: крохе всего-то от силы года три, не больше. На каких основаниях её сюда заперли без постоянного присмотра взрослых? Что за халатность?

— Как тебя зовут? — спросила Анна, медленно продвигаясь вперёд короткими шажками. Чем ближе она подходила, тем меньше ей нравилось происходящее.

Она приблизилась почти вплотную, протянула руку, чтобы коснуться девочки. Неожиданно лампа ночного освещения выключилась, и палата погрузилась в темноту.

— Ох, господи! — вырвалось у Анны. Она ощутила крошечный ужас от неизвестности, что таила в себе эта тёмная палата и её таинственный пациент.

Только успела сделать шаг назад, как в глаза ударил яркий свет люминесцентных ламп. Кто-то включил в палате

освещение, Анна неистово закричала, спешно пятась к двери. Перед ней стояло нечто невысокое, с большим красным пятном, расплывшимся посреди груди на розовом свитере. Вместо лица у *этого* было кровавое месиво. Кожа срезана почти с хирургической точностью, мышечные волокна жутко кровоточили, как свежеразделанное филе. Страшное существо, похожее на ребёнка, смотрело на Анну выпуклыми голубыми глазами, чуть приоткрыло рот и тянуло к ней бледные, выпачканные в крови крохотные ручонки.

Данила сидел, откинувшись на спинку неудобного кривого стула. Руки в наручниках. Босые стопы сковал холод, исходящий от пола. Ему с трудом удавалось держать голову прямо, постоянно приходилось бороться с диким желанием уснуть. Всё тело ломило, мысли путались, то и дело подкашивала тошнота. Ужасно хотелось пить, но, несмотря на его просьбы, полицейские воды не дали. Начинало знобить. Данила пробыл в сырой одежде около двух часов и теперь не мог согреться, хотя температура воздуха тут достаточно высокая.

Тесный и душный кабинет действовал на нервы и ещё больше усугублял и без того незавидное состояние Данилы. Наверное, впервые в жизни он ощущал нечто похожее на клаустрофобию.

За столом, захламлённым папками, сидел человек в белой рубашке с коротким рукавом и капитанскими погонами, с худыми руками и лицом, наполовину закрытым медицинской маской. Лишь серые глаза и белёсые, почти невидимые брови выдавали признаки эмоций, когда он набивал что-то на клавиатуре корявыми пальцами с пожелтевшими от никотина ногтями. Напротив, в углу возле входной двери, стоял ещё один сотрудник. Маска приспущена на подбородок. Этот в гражданской одежде. На мента совсем не похож.

Запах кофе из бумажного стаканчика в его руке витал в помещении, отчего Данила испытывал безумное желание выхватить стакан и сделать хотя бы глоток. Как наркоман, жаждущий дозы. Только — кофеина.

— Итак, — сказал полицейский, сидящий за компьютером. Он мельком глянул на разгрузочный жилет Данилы, лежавший на полу посреди кабинета. Положить на стол побрезговал. Жилет, как и вещи на самом Даниле, был до сих пор сырой.

«Хренов чистюля. Лучше бы ногти на руках подстриг».

— Фамилия, имя, отчество.

По дороге в участок сотрудники патрульно-постовой службы уже задавали вопросы, но Данила то и дело терял сознание, поэтому ничего не сказал. Здесь, в кабинете, после досмотра личных вещей, выудив содержимое карманов и разгрузки в присутствии двух понятых, к допросу приступили более настойчиво.

Данила не имел ни малейшего желания отвечать в том состоянии, в котором пребывал. К тому же у него имелась в запасе пара своих вопросов. Чтобы задать их, силы нашёл.

— Вы можете рассказать, почему все в масках? Какой год? Что вообще происходит?

— Задержанный, здесь вопросы задаём мы, — подал голос полицейский в углу, до того момента хранящий молчание. — Отвечай по существу.

Данила прищурился, сжал кулаки, но спорить не стал.

— Кравцов Данила Алексеевич. В паспорте написано.

После быстрого стука пальцев по клавиатуре их обладатель задал несколько элементарных вопросов. Затем взял в руки военный билет Данилы и спросил:

— Служишь?

— Да.

— Войсковая часть какая? Морпехи?

— Да.

Капитан оторвал взгляд от военника и обратился к коллеге:

— Ваня, возьми документы, звякни в комендатуру. Похоже, этот... — Он махнул рукой в сторону Данилы. — обдолбался. Пусть забирают и выясняют, что там и как. Только смотри, документы все промокшие, хрен пойми. Местами разобрать можно. Я тебе тут на листочке накидал.

Молодой сотрудник с зализанными волосами, в выглаженной белой рубашке и брюках вышел, оставив ароматный кофе на полке шкафа с документами. Едва он покинул кабинет, Данила подорвался и подхватил стакан, тут же плюхнулся обратно на стул, сделал большой глоток и скорчил гримасу. Кофе оказался без сахара.

— Чтoб тебя! — выругался капитан. Он встал с кресла, собрался было кинуться к Даниле, но видя, что тот спокойно потягивает напиток, держа стакан двумя руками, скреплёнными наручниками, передумал. — Ладно. Пей. Только больше не дёргайся.

Данила и не собирался. Трясущимися руками он допил содержимое стакана и с облегчением выдохнул. Жажда уменьшилась, в голове чуточку прояснилось. Доза кофеина оказалась очень кстати.

Найдя в себе силы, Данила заговорил:

— Вы не догоняете? Позвоните в мою часть. Я должен там числиться, меня наверняка ищут. Многие знают. Наш корабль пошёл по пиз... Потерпел крушение. — Данила запылулся, не зная, на сколько этот термин подходит к произошедшему. — «МБ-205», буксир, вы должны были слышать о нём. Пока мы тут дрочим, возможно, кому-то из выживших нужна помощь. Пляж, на который меня вынесло, там могут быть люди. Может, девушка, что на фото.

Данила почувствовал невероятную усталость и замолчал. Длинная речь отняла остатки сил. Он безвольно опустил голову и закрыл глаза, мечтая заснуть.

Полицейский взял со стола фотографию, где Лена с Данилой позировали на фоне китов, и разглядывал её. Затем, словно пропустив мимо ушей монолог задержанного, выдал:

— Это, похоже, ты, дружище, не догоняешь. Сейчас за тобой приедет комендатура, тебя заберут. Скорее всего отправят на экспертизу и наверняка выяснят, что ты наглотался какого-то говна, и твоя дальнейшая судьба с армией больше связана не будет. Радуйся, что при тебе не нашли ничего запрещённого, иначе всё было бы ещё хуже. Что ты делал в Любимовке и почему нарушил масочный режим?

Голос сотрудника доносился словно эхо. В ушах стоял не то писк, не то гул, а сказанное капитаном представлялось несуразией. Лучи солнечного света раздражающе жгли кожу, проникая в кабинет через окно.

— Какой ещё говномасочный режим? Что за чушь? Скажите толком. Наш корабль затонул в Аденском заливе, может, кто-то спасся, как я. Надо найти их, а уж потом распросами меня заёбывать.

Полицейский отложил в сторону фотографию, откинулся на спинку потрёпанного кресла, поправил на лице маску и почесал затылок. Скрестив руки на груди, продолжил:

— В городе введён масочный режим и ограничения по выходу на улицу. Мы как минимум пришьём тебе статью двадцать точка шесть точка один КоАП РФ.⁶ Знаешь о такой? Если нет, то сегодня узнаешь. И скажи ещё, что не слышал обо всём этом!

Данила отрицательно покачал головой. На собеседника он не смотрел.

— Я убыл на боевую службу в апреле две тысячи тринадцатого года. Ничего подобного не было.

Полицейский громко хохотнул.

— Дружище, я, может, открою тебе секрет и ошарашу новостями из этого мира, а не из мира солевых грёз, но сейчас

---

⁶ Часть 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации.

тридцатое апреля две тысячи двадцатого. В стране, как и во всём мире, коронавирус. Передвижение людей ограничено. За одно только нарушение этого мы можем тебя долго здесь мусолить, ещё и штраф впать.

Даниле казалось, что над ним издеваются. Он вспомнил плакат в Любимовке, и слова полицейского как-то не особо походили на насмешку.

— Слушайте, — сказал он, поставив пустой стакан на пол и сжимая кулаки. — Я видел плакат, там, где меня взяли патрульные. На нём какой-то мужик был и написано о том, что Крым с Россией навсегда. Что за говно?

Полицейский покачивался на кресле. Он опустил маску на шею и поглаживал светлую щетину на лице. Видимо, прикидывал, притворяется ли задержанный дураком или является таковым на самом деле.

«Козлина мусорская», — подытожил Данила.

— Короче, — сказал капитан громче, чем прежде. — Осточертело мне с тобой возиться...

Дверь кабинета открылась, ворвался второй полицейский. Он прошёл до стола, небрежно кинул на него паспорт и военный билет Данилы. Вернулся в свой угол и, не найдя кофе, с негодующим видом обнаружил опустошённый стакан на полу возле грязных босых стоп задержанного.

— Что за нафиг? Ты ему разрешил? — обратился он к коллеге.

— Не-е, сам схватил и выпил. Я не успел отобрать. У бе-

долаги, похоже, сушняк. Ну что там, комендачи приедут?

— Не приедут, — ответил полицейский, переминаясь с ноги на ногу возле двери. — Не числится он нигде. Думаю, уволили его, причём давно, раз нет данных. Странно, что в военнике отметки об увольнении нет. А прописка в паспорте вообще Пензенская. Документы вроде неподдельные.

Данила негромко выругался, оба полицейских уставились на него. Тот, что сидел за столом, весёлым тоном сказал:

— Слышал, да, воин комнатный? Документы твои сомнительные. Наверное, будем изымать их на экспертизу. А это уже подходит на статью триста двадцать седьмую.⁷ И не административка, а уголовка. Лучше бы, дружок, тебе рассказать всё, как есть, без пиздежа. — Капитан посмотрел на коллегу. — Короче, пассажир этот рассказывает, якобы уплыл в море в две тысячи тринадцатом году и объявился только сейчас. Прикидывается, типа не в курсе про коронавирус и что Крым давно русский. Так ты сказал? — Он устремил взгляд на Данилу.

— Крым всегда был русским. Я не знал, что теперь он официально в России. Реально?

Полицейский за столом рассмеялся, однако его молодой коллега, наоборот, стал серьёзным.

— На корабле в каком году? — обратился он к Даниле.

— Две тысячи тринадцатом.

---

⁷ Статья 327 УК РФ. Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков.

— А как назывался тот корабль?

— «МБ-205».

— Да не может быть!

Полицейский кинулся к столу и подобрал паспорт Данилы. Быстро пролистнул страницы, затем взял военный билет, изучил, после чего долго рассматривал фотографию.

— Да не, бред какой-то.

— Чего? — занервничал капитан.

— Я сразу подумал, лицо кого-то напоминает, но никак не мог вспомнить, где его видел. Не думаю, что это один и тот же человек, но капец как похож. Да и девчонка эта...

— Поясни. Я не догоняю.

Данила хотел вмешаться, но пусть два кретина попробуют сами разобраться во всей этой чертовщине. Он был обессилен. И всё же их диалог заставил сконцентрироваться и слушать.

— Ты что, разве не помнишь? Две тысячи тринадцатый год! Чуть ли не самая большая морская трагедия в России со времён Курска. Тогда на буксире в Аденском заливе около сорока человек затонули. наших, севастопольских. Среди них гражданские в основном были, но и военные тоже — типа охрана корабля. По телеку целыми днями крутили в новостях, не слышал, что ли?

Белобрый задумался. Наверное, прокручивал что-то в памяти.

— Я тогда в Кирове жил и учился, мне как-то не до ново-

стей было. Но, кажется, смутно припоминаю.

— Понятное дело, — продолжил воодушевлённый коллега. — Ты ж не местный. А я всё помню. И по местным каналам, и по российским об этом говорили. Все надеялись, что корабль пираты захватили или что его прибило к какому-нибудь заброшенному берегу. Наши корабли рыскали вдоль Африки и хрен знает какого полуострова, там, где арабы живут. Нашли только через месяц, на ебейшей глубине. У нас же в городе даже мемориал установили. Типа памятник.

Чем дольше Данила слушал, тем больше в нём свербело ощущение нереальности происходящего. Казалось, что ему это снится.

— Но погибли, видимо, не все, — выдавил он из себя.

Оба полицейских уставились на него.

— Ну, это ты зря, друг. Что бы ты там себе ни придумал и на кого бы ни был похож, погибли тогда все. Вроде. В Севастополе день траура объявили, списки погибших и сейчас в интернете можно посмотреть.

Полицейские переглянулись. Молодой достал из кармана джинсов смартфон и спешно начал клацать пальцем по экрану.

— А! Вот же! Смотри. — Он протянул телефон капитану.

— Вот, видишь?

Тот видел, но предпочёл не смотреть.

— Ну и? Кто там есть?

— Сейчас.

Полицейский перечислял имена из списка, пока не дошёл до прикомандированных морпехов.

— Умаров Сергей Сергеевич — командир группы анти-террора, старший сержант Кравцов Данила Алексеевич — заместитель командира группы...

Он оторвал взгляд от экрана и уставился на Данилу как на призрака.

— Не может быть... — проговорил он охрипшим голосом. — Ты где на семь лет потерялся? С папуасами воевал, что ли? Надо опять комендачам звонить.

Капитан вскрикнул:

— Кончай! Ясно же: это не он. Совпадение. Надо его в наркодиспансер везти да выяснить, каких колёс обожрался, чтобы придумать и нести эту чушь.

Но молодой, казалось, не слышал, о чём ему говорит старший коллега. Он таращился на экран телефона, а после не мог отвести взгляда от Данилы. Данила даже испытал чувство удовлетворения, видя, как обомлевший полицейский пялится на него с дурацким выражением лица, хотя самого Данилу эта история должна пугать гораздо сильнее.

— Ладно, — сказал белобрысый капитан. — Похоже, придётся определять личность, возни теперь на полдня. Давай пальчики на «папилоне»⁸ катанём, потом веди его в камеру. Может, проспится, очухается и всё расскажет.

---

⁸ «Папилон» – электронный дактилоскопический сканер для снятия отпечатков пальцев.

Но вместо того, чтобы выполнить указания старшего, молодой протянул ему телефон, и Данила наблюдал удивительное зрелище: глаза капитана моментально округлились, челюсть отвисла, а на лбу проступили морщины. Полицейский смотрел на экран телефона, где коллега перелистывал с одной страницы на другую и обратно. Потом он развернул телефон к Даниле. То ли хотел, чтобы тот сам посмотрел, то ли ещё что. Но теперь Данила увидел, как на экране светится его фотография в военной форме и чёрном берете на голове. Затем полицейский провёл несколько раз пальцем, и появилось изображение Лены.

4

Как ни пытался, какие невероятные усилия ни прилагал, так и не смог открыть глаза.

Он лежал неподвижно на твёрдой поверхности, слегка покрытой песком, и не чувствовал собственного тела. Хотел пошевелить руками или ногами, но конечности не слушались, словно он и вовсе их лишился.

Абсолютно беспомощен.

Истощён до невозможного.

Разбит.

Единственное, на что оказался способен — ощутить на коже покалывание песка, нещадно бросаемого в лицо резкими порывами горячего сухого ветра.

Уткнувшись носом в землю, или песок, или их смесь, тяжело дышал в попытках вдохнуть воздух. С досадой ощутил боль на потрескавшихся пересохших губах.

Поперхнувшись песком, он облизнул губы и почувствовал тошноту.

Что с ним произошло?

Почему не может пошевелиться?

Где он?

Да и, в конце концов...

Кто он?

В голову не приходило ни одной дельной мысли, в то вре-

мя как всё его существо наполнял дикий, неопиcуемый ужас. Паника зарождалась где-то глубоко внутри сознания, отдавая предательскими спазмами внизу живота.

Он попытался успокоиться.

Если чувствует страх, от которого сводит желудок, испытывает жажду и боль на надтреснувших губах, значит, не всё потеряно.

Значит, по крайней мере жив.

Пока жив.

Надо беречь силы. За неимением последних оставалось только лежать и пытаться что-нибудь вспомнить.

И что дальше?..

Ничего.

Мозг отказывался сотрудничать.

Вновь предпринял жалкую попытку приоткрыть глаза, но веки слиплись под гнётом палящего солнца, кружилась голова, во рту сушняк. Жара стояла невыносимая, адская, словно кто-то неведомый поместил его в жерло вулкана, а перед этим чем-то сумел парализовать, лишив возможности двигаться.

Иногда казалось, что в голове вот-вот проснутся воспоминания, хоть что-то, за что сможет ухватиться сознание.

Тщетно.

Его охватило отчаяние.

По щеке стекла капля пота, он высунул язык, как ящерица, в надежде слизнуть хотя бы толику влаги. Дёрнулся от бо-

ли и ощутил неприятное пощипывание кровоточащих ран, когда трещины на губах разошлись.

Сморщился и хотел заплакать. И даже этого не смог.

От бессилия, безысходности и уныния охватила злоба, но силы окончательно покинули тело, и он, не сопротивляясь, погрузился во тьму...

Глава 2

Выписка из судового журнала «МБ-205»

День 12

2 мая, четверг

Следование через Красное море продолжается. Температура воздуха и влажность постепенно повышаются. Гирокомпас⁹ работает на пределе — надо останавливать его и делать профилактику петле охлаждения для тропических широт.

Идём по московскому времени. По случаю выходного дня проведён банно-прачечный день. Постирались и экономно помылись.

Впереди нас идут два турецких военных корабля. Около 20:00 прослушали сообщение от одного из них об обнаружении двух малоразмерных скоростных катеров. Наш экипаж насторожился. Предприняли превентивные меры. Мероприятия начинают выполняться сами собой, без команд и напоминаний.

---

⁹ Гирокомпас – компас, в котором в качестве чувствительного элемента используется гироскоп. Предназначен для определения курса объекта, а также азимута (пеленга) ориентируемого направления. Принцип действия гирокомпаса основан на использовании свойств гироскопа и суточного вращения Земли.

1

Славе хотелось послушать музыку, но, выехав из города, он пришёл к выводу, что затея глупая, и выключил магнитолу. Дело предстояло непростое, а потому стоило каждую свободную минуту провести с пользой. Он погрузился в размышления о предстоящей работе, о том, какие вопросы надо задавать и что в итоге найти.

С делом Слава ознакомился, но ситуация не прояснилась. Слишком много неизвестных в этом, казалось, простом уравнении. Пропажа лекарственного препарата в психиатрической клинике — чрезвычайное событие. Причём кража наркотических веществ может послужить причиной для уголовной ответственности. Странно, правда, что дело поручили Славе — сотруднику регионального Управления по области. Но когда задумался, понял: клиника-то необычная.

Тут всё несколько сложнее. Помимо самой клиники смущали условия, поставленные начальником перед Славой. Увольнение за нераскрытое дело — своего рода высшая мера наказания, однако на практике он ни разу с подобным не встречался. И сейчас рисковал всем, что имеет из-за поисков лекарства. Понятное дело, таблетки. Ясно — на особом учёте. Но не увольнять же человека, пытающегося их отыскать, за провал?

Осознав, что пока не прощупал почву, никаких выводов

сделать не удастся и никакие размышления не помогут, Слава вновь включил музыку и теперь наслаждался тяжёлыми рифмами американского альтернативного рока, периодически поглядывая на навигатор. За стеклом мелькали пронесившиеся мимо автомобили. Погода стояла солнечная, небо ясное, и лишь грязная жижа на трассе напоминала о снегопаде, обрушившемся на Тюмень ночью.

Вскоре он свернул с главной дороги на Ялуторовский тракт и теперь неторопливо ехал по свежерасчищенной асфальтированной дороге посреди хвойного леса, где высокие ели тянулись ввысь, покрытые белыми ушанками снега. Солнце создавало иллюзию, что за пределами салона автомобиля стоит тёплая погода, но на самом деле день выдался на редкость морозным, как в том стихотворении у Пушкина.

Слава проехал пару санаториев, небольшой дачный посёлок и попытался разглядеть впереди указатель нужного поворота. Как он и полагал, искомая дорога не была обозначена никакими знаками, зато идеально вычищена от снега, в то время как по обочинам возвышались большие сугробы.

На седане с низкой посадкой Слава ехал медленнее, чем хотел, по пути разглядывая местность. Ничего примечательного не обнаружил и примерно через километр уткнулся в высокие металлические ворота с небольшой, но хорошо читабельной круглой табличкой: «Санаторий Лесная сказка». Рядом находилась компактная стоянка, где очевидно не бедные автовладельцы припарковали пару десятков своих же-

лезных коней.

Слава вышел из машины, проверил, не сядет ли днищем на въезде, после чего поставил автомобиль рядом с другими. Включив сигнализацию, вдохнул свежего холодного воздуха, закурил и стал рассматривать высокий зелёный забор, скрывавший от любопытных глаз саму клинику. Сверху ограждение обнесено «егозой», а на кирпичных столбах, стоявших промеж профнастила, виднелись камеры, установленные с завидной частотой.

Вот тебе и санаторий.

Докурив, Слава бросил бычок в сугроб и направился к контрольно-пропускному пункту, наслаждаясь скрипом снега под ботинками. Поднявшись по ступеням, оказался на крохотном крыльце. Возле двери обнаружил кнопку вызова охраны. Нажав её, прослушал короткий сигнал и услышал мужской голос, поинтересовавшийся целью его прибытия.

Слава показал удостоверение сотрудника ФСБ в камеру, представился, дверь открыли. Внутри он предъявил чрезмерно серьёзным охранникам документ, выданный начальником. Ему выписали временный пропуск, внесли в журнал посетителей, и один из парней повёл его в клинику.

Шли быстро, но Слава успел разглядеть небольшую расчищенную площадку с неработающим фонтаном, лавочками и уличными тренажёрами, подобными тем, что обычно ставят во дворах жилых домов. Чуть дальше, за строением, выглядывала труба котельной.

Войдя в здание с толстенными стенами, скрытыми новой сайдинговой отделкой, Слава оказался в довольно просторном холле. Внутренне убранство «Лесной сказки» походило на элитную частную клинику, но точно не на психушку. В фойе заметил пару кресел и несколько горшков с высокими крупнолистными растениями. В коридорах, разветвлённых вправо и влево, стояли небольшие диванчики. Напротив входа располагалась застеклённая комната охранника с кучей мониторов, слева — гардероб.

Охранник, сопровождавший Славу, представил его своему более крупному коллеге и, как показалось Славе, более приветливому.

Оба парня, судя по торчащим из кобуры рукояткам, вооружены пистолетами Ярыгина. Ещё одно интересное наблюдение в копилку дня. Подобное оружие имеется далеко не во всех элитных подразделениях, что уж тут говорить о медицинском учреждении. Форма на охранниках напоминала стандартную: чёрный китель, заправленный в брюки, берцы. Но ни шевронов с фамилией, ни обозначения конторы, к которой охранники принадлежат, на форме не было. Карманов — что на кителе, что на штанах — столько, что сам Вассерман слюной истёк бы.

Ладно. Это ж вроде не простое ЧОП.

Славу попросили оставить верхнюю одежду в гардеробе. После того как повесил пуховик, его проводили по коридору в сторону правого крыла здания. Он остановился перед

кабинетом, на двери висела табличка с фамилией, именем и отчеством главного врача клиники. Охранник постучался, оповестил хозяина кабинета о посетителе и пригласил Славу войти.

Внутри сидели двое. Напротив двери в коричневом кожаном кресле развалился крупный мужчина лет под пятьдесят: лысый, с густыми чёрными бровями и нависшими на глаза веками. Его лоб прорезали глубокие морщины, зорким взглядом главврач напоминал хищную птицу. Изогнутый нос с горбинкой, похожий на клюв, лишь усиливал сходство с ней.

«Гриф», — тут же придумал кличку Слава.

Слева от Славы, рядом с дверью, на софе с видом провинившейся школьницы сидела девушка в белом халате с уставшим бледным лицом и сжатыми в узкую полоску губами. Волосы замотаны в клубок, руки на бёдрах, обтянутых джинсами, а в ладонях очки в тонкой золотистой оправе.

— Доброе утро, — произнёс человек-гриф. Зычный голос выдавал в нём властного, не терпящего возражений человека. — Мы как раз говорили о вас.

Мужчина встал и протянул руку, однако из-за стола не вышел. Слава подошёл и ответил на крепкое рукопожатие.

— Доброе, — сказал он. — Вячеслав Сергеевич, майор Федеральной службы безопасности. Прибыл расследовать дело об исчезновении лекарственного препарата. — Как могу к вам обращаться?

— Да, да, да, — пробасил главврач, плюхнувшись в кресло, отчего то протяжно заскрипело. — Мы с вашим руководством созванивались, они предупредили о вашем визите. Меня зовут Кулешов Ярослав Иванович. Как вы поняли, я главврач. Вы присаживайтесь, не стойте. — Он указал на ряд стульев со спинками, выстроенных возле одной из стен. — Девушку на диване зовут Анна Алексеевна, она заведующая психиатрическим отделением.

Слава кивнул девушке, которую окрестил Школьницей, и присел, положив на соседний стул дипломат. Та едва слышно поздоровалась. С ней он поговорит позже и наедине, а пока неплохо бы допросить самодовольного бугая.

— Ярослав Иванович, первое и самое важное, что мне необходимо увидеть — список сотрудников, у которых имеется доступ к препарату. Можете предоставить?

Доктор посмотрел исподлобья. Его руки были скрещены на груди, а тело вальяжно откинута на спинку кресла.

— Нет ничего проще, — заявил главврач. — Сотрудники перед вами.

Слава попытался скрыть удивление. Он закинул ногу на ногу, сцепил руки в замок.

— То есть доступ был только у вас двоих?

— Именно так. И ни у кого больше после того, как доставили ампулы к нам.

— Препарат был в ампулах?

— Да.

— Хранился в холодильнике?

— Нет, в сейфе. У Анны в кабинете.

Слава замолчал, размышляя над тем, хорошо или плохо, что доступ к лекарству настолько ограничен. Вопреки тому, о чём предупреждал начальник, он всё же поинтересовался.

— А скажите, что за препарат? Как я понимаю, раз его пропажа вызвала ажиотаж на таком высоком уровне, значит, он из наркотических. Или я неправ?

Доктор с заведующей многозначительно переглянулись, но быстро отвели взгляды, словно что-то скрывали. Ярослав Иванович наклонился вперёд и закинул свои огромные руки на стол. При этом белый халат так сильно обтянул округлые плечи, что казалось, ткань вот-вот разорвётся.

— Послушайте, Вячеслав. Препарат секретный и совершенно неважно его назначение и происхождение, я думаю, вы и сами понимаете. Но если вкратце, то это новейшая разработка учёных, которая проходит клинические испытания. Предназначен для улучшения нейронных связей в головном мозге. Другое дело — нельзя допустить, чтоб лекарство попало в чьи-то недобрые руки. Любые руки. Оно здесь находится как раз-таки для исследования его действия.

— Находилось, — вставил Слава.

— Что? — не понял главврач.

— Вы сказали: «лекарство находится». Правильнее: находилось. Раз уж оно пропало.

— А-а... Нет. Вы неправильно поняли, пропала лишь од-

на ампула. Остальные на месте.

— И никаких признаков взлома кабинета?

— Нет.

— Сейфа?

— Тоже нет.

— Вы же понимаете, что вы с Анной в первую очередь попадаете под подозрение?

— Конечно. И я, и Анна Алексеевна. Но мы здесь как раз для того, чтобы вы вычеркнули нас из списка подозреваемых.

— Поясните, пожалуйста.

— Понимаете, лекарство подлежит строжайшему учёту. Оно хранится в сейфе, берётся оттуда только одним из двух человек — либо мной, либо Анной Алексеевной — в присутствии ещё кого-нибудь из сотрудников клиники, которые не имеют права даже брать его в руки. Это происходит в определённое время, а именно в семнадцать часов два раза в неделю. После препарата вводится пациенту, а пустая ампула, шприц и перчатки подлежат сдаче в специальный контейнер, который будет отправлен вышестоящим инстанциям в качестве доказательства, что мы его ввели. Каждый раз, когда вводится препарат, серия и индивидуальный номер ампулы фиксируются в документах. Лекарство не наркотическое, но подотчётное. Кроме того, есть видеозапись введения. После того как Анна достаёт ампулу — в основном это делает она — сейф опечатывается ею и ключ сдаётся охране в специаль-

ную ячейку. Затем и он тоже печатывается её личной печатью. По прибытии Анна проверяет слепок и только в том случае, если печать не сорвана, забирает его. К тому же, если сейф вскрывают, у охранника срабатывает сигнализация, но в момент кражи она не сработала.

Слава вмешался:

— А камера в кабинете есть?

— Нет, — ответил доктор.

Слава помедлил, вспоминая всё, что успел увидеть по пути в кабинет главврача. Он кинул взгляд на заведующую, та по-прежнему изображала прилежную ученицу. Он едва не рассмеялся от вида этой недотроги. Затем продолжил:

— То есть вы хотите сказать, что по периметру вашей чересчур секретной для простой психушки камеры установлены, на КПП, в коридорах имеются, а в кабинете заведующей отделением, где хранится экспериментальное лекарство, подлежащее строгому учёту, камер нет? Не странно ли?

Мужчина за столом едва скривил губы. В этот момент главврач напомнил Славе его начальника. Они схожи и габаритами, и идеально выбритыми, светоотражающими лысынами. Только полковник походил на боевого пса, а Кулешов — на хищную и гордую птицу.

Гриф ответил лаконично:

— А что странного? Его не так давно привезли, остальные препараты, пусть и подотчётные, но стандартные, хранятся в другом месте, где есть камеры. Мы не знали, что будет так.

К тому же это её кабинет. Так сказать, личное пространство. Вот, посмотрите, у меня тут камер тоже нет. — В подтверждение он обвёл рукой воздух.

Слава автоматически оглядел углы просторного кабинета. В воздухе витали крошечные пылинки, подсвечиваемые солнечными лучами.

— И всё же... — начал он, но из динамиков компьютера, стоявшего на столе, раздался слегка искажённый мужской голос, вызывавший Ярослава Ивановича и проверявший с ним связь.

— Прошу прощения, Вячеслав. У меня утреннее совещание с начальством, которое никак не могу пропустить. Будет лучше, если Анна Алексеевна сама всё расскажет и покажет место преступления. Если же информация не покажется вам исчерпывающей, я отвечу на ваши вопросы после видеозвонка. Хорошо?

— Без проблем, — ответил Слава, вставая со стула. — Я ещё загляну.

Девушка тоже поднялась и молча направилась к выходу. Слава проследовал за ней и покинул кабинет.

Войдя в кабинет Школьницы, Слава удивился царившей в нём уютной атмосфере. Так же, как и у главврача, рядом с окном стоял просторный стол с компьютером и такое же коричневое кресло. Возле стены располагался большой стеллаж с кучей папок для документов и с книгами, среди которых, судя по названиям, преобладали разного рода учебники по психиатрии. В углу находился небольшой диван, а рядом из глиняного горшка торчало растение, отдалённо напоминающее пальму. Кроме того, в кабинете имелся чайный уголок с микроволновкой и небольшой холодильник. Раковина для мытья рук.

— Ого-о... — протянул Слава. — Да здесь жить можно.

Девушка промолчала, чаю не предложила. Она по-прежнему имела отстранённый вид, однако бледность с лица спала. Как вышла от главврача, нацепила очки, которые очень гармонично смотрелись на её худом лице.

— Вот сейф, — сказала Анна, указав на вмонтированный в стену металлический ящик. — Можете осмотреть. — Она отошла и встала возле стола, спрятав руки в карманах халата.

Без лишних слов Слава подошёл к сейфу. Судя по корпусу, хранилище не из дешёвых.

— Из чего он сделан?

— Титановый.

— Кто знает цифровой код?

— Я и Ярослав Иванович.

— А если случится пожар, а вас обоих не будет в клинике, получается, никто не сможет спасти столь ценное лекарство?

— не унимался Слава.

Анна посмотрела на него как на умалишённого, учащённо моргая серо-голубыми глазами.

— Исключено. У нас надёжная система пожаротушения.

— А если всё же не справится?

— Значит, будет уничтожено. Тем и лучше, не попадёт куда не надо. Хотя, может, сейф уцелеет.

Слава подошёл ближе и посмотрел на лицевую стенку сейфа под углом. Отпечатки пальцев отчётливо виднелись на выкрашенном в чёрный цвет металле.

— Когда вы обнаружили пропажу, Анна? Простите, забыл ваше отчество.

Слава надеялся, девушка позволит ему называть её просто по имени и это немного разрядит обстановку, но она не очень-то стремилась к непринуждённому общению.

— Алексеевна. Анна Алексеевна. Надеюсь, сможете запомнить, Вячеслав *Сергеевич*, — его отчество она произнесла с особой интонацией.

Слава понял, что помощи от заведующей отделением не дожждётся.

— Так *когда*, Анна Алексеевна?

— Позавчера вечером. В семнадцать часов я, как обыч-

но, открыла сейф в присутствии другого врача. По данным журнала, там должно было находиться двадцать три ампулы. Семь уже ввели больному. Но мы обнаружили всего двадцать две, и я тут же полезла в журнал, чтобы проверить расход, хотя прекрасно помнила, сколько должно остаться. Когда сверила записи, тут же позвонила главврачу, и он пришёл сюда вместе с начальником службы безопасности. Они зафиксировали пропажу, взяли с меня и коллеги объяснительные, после чего Ярослав Иванович велел мне продолжать работу, чем я и занялась.

— То есть пропажа обнаружилась пятого января?

Девушка подняла взгляд к потолку, прикинула в уме и ответила:

— Нет. Я же сказала, позавчера. Сегодня восьмое, вчера седьмое, значит, дело было шестого. Да, точно, шестого.

— Чьи отпечатки пальцев могут быть на сейфе, кроме ваших?

— Ничьи. Возможно, главврача. Но он доставал лекарство только один раз, когда я отсутствовала. Недели три назад.

Девушка говорила уверенно, не запинаясь, явно ничего не выдумывая. Видимо, не чувствовала никакого подвоха.

— А уборщицы?

— Те, кто убирает кабинет, делают это только в моём присутствии. К сейфу не притрагиваются.

— А медсестра, что приходит с вами?

— Со мной приходит кто-то из подчинённых мне врачей,

не медсёстры.

— Почему не они? — Слава пристально смотрел на девушку. Только сейчас заметил, какие у неё большие глаза. Или очки их просто увеличивали.

— Так заведено.

Испытывая смущение, Анна отвела взгляд и предложила Славе кофе. Он отказался, девушка же включила электрический чайник и села в кресло.

— Извините, я после ночного дежурства и, если можно, хотела бы побыстрее закончить со всем этим.

— Понимаю, — Слава поглядывал то на сейф, то на Школьницу, которая за столом и в кресле стала больше походить на училку. — Тогда, если вы не против, я сниму отпечатки пальцев с сейфа, после чего попрошу вас его открыть, чтобы повторить процедуру внутри. Это не проблема?

— Нет. Приступайте.

Получив разрешение (подумать только, разрешение врачихи-школьницы-училки майору ФСБ!), Слава аккуратно положил дипломат на диван, достал из него необходимые принадлежности и принялся за дело. Сначала надел латексные перчатки, затем посыпал поверхность сейфа мельчайшим порошком, после чего мягкой кистью смахнул излишки. Потом приложил к проявленным отпечаткам впитывающий скотч на валике и, скопировав следы, убрал его в прозрачный пакетик.

Пока Слава делал несколько снимков на принесённый с

собой фотоаппарат, Анна кому-то позвонила и попросила зайти. После, уже по стационарному телефону спросила разрешения у главврача на вскрытие сейфа и сделала звонок охраннику, предупредив, что скоро сработает сигнализация.

Слава внимательно слушал, стараясь придать себе увлечённый делом вид. Чем больше слышал, тем сильнее поражажлся установленному в клинике почти армейскому порядку.

— Я закончил, — сказал он, когда девушка заливала кипятком кружку с растворимым кофе. На удивление сладкий аромат заставил его передумать, и он попросил сделать ему тоже.

Школьница без лишних слов выполнила просьбу и протянула небольшую стеклянную кружку. Слава надеялся, что беседа за чашечкой кофе растопит холодность заведующей психиатрическим отделением.

— Что вы собираетесь делать с отпечатками? — поинтересовалась Анна, вернувшись за стол. Только сейчас Слава увидел на нём толстенный том с красочным рисунком на обложке и выполненным красивым шрифтом именем автора.

Похоже, не только Школьница, а ещё и книгочей.

— Проверю по базе. Если пациенты либо врачи когда-либо проходили по уголовным делам, мы найдём совпадения и, возможно, вычислим преступника.

Он увидел, как Анна едва заметно улыбнулась, после чего поправила очки на переносице. Славе её реакция не понра-

вилась. Она будто насмехалась над ним.

— Чего смешного? — поинтересовался он, сделав глоток кофе, после чего поставил кружку на стол хозяйки кабинета.

Девушка тут же изменилась в лице, но не успела ответить. В дверь постучали, на пороге появилась полная женщина с круглым лицом. Возрастом старше заведующей, но с таким кротким видом, словно рядовой на взбучке у генерала. За её спиной стоял охранник, тот самый, что сопровождал Славу к главврачу.

— Лариса Петровна, — Анна встала с кресла. — Побудьте пожалуйста здесь, пока сейф будет открыт и наш гость выполнит необходимые процедуры.

Анна загородила панель с кнопками так, чтобы Слава не смог увидеть комбинацию. Он развернулся и уставился на охранника, бдительно наблюдавшего за происходящим. Анна набрала цифры. Всё это время кроткая Лариса Петровна стояла рядом с ней.

— Можете приступать, — сказала заведующая.

Сейф оказался вместительным и глубоко уходил в толстую стену. Слава повторил ранее проделанные манипуляции, только уже на внутренней стороне дверцы. Как только хотел взяться за ампульницу, Анна его одёрнула.

— Нет! Я сама.

Слава отстранился и наблюдал, как девушка метнулась к столу, достала из выдвижного ящика коробку с перчатками, надела и только после этого изъяла ампульницу. Когда поло-

жила её на стол, Слава снял отпечатки на ней и на всех стенках внутри сейфа.

— Откройте коробку, — попросил Слава.

Анна посмотрела на него с сомнением.

— Нет, ампульницу не открою. Разве недостаточно?

— Недостаточно. Отпечатки могли остаться на других ампулах.

— Все вопросы к главврачу.

Славу начала раздражать эта театральная обеспокоенность за чудо-лекарство. Он заметил, с каким видом на него смотрит охранник — будто лев, готовый накинуться на соперника, защищая свою самку.

— Так идите и спросите у него. Как, по-вашему, я должен искать то, сам не знаю что? Найти ампулу, не понимая, как она выглядит?

Девушка пару секунд помедлила, покраснела, после чего молча открыла ампульницу.

Слава осмотрел содержимое, снял отпечатки. Каждая ампула была пронумерована и наполнена прозрачной бесцветной жидкостью. Когда он закончил, Анна вернула тару в сейф, закрыла и, поблагодарив коллегу с охранником, снова вернулась в кресло.

Слава убрал принадлежности.

— Чем ещё могу помочь? — спросила Анна, аристократично делая глоток кофе. Тонкая прядь каштановых волос упала на лицо, так и норовя залезть в кружку.

«Вот стерва. Ты понесёшь ответственность, а не главврач, если у меня ничего не выйдет», — подумал Слава и, не спрашивая, присел на стул напротив нерадивой Школьницы. Похоже, надо сменить ей прозвище, но на ум ничего не приходило. Избавившись от перчаток, он взял кружку и, прежде чем выпить, сказал:

— Если шестого января — а это понедельник — в семнадцать часов вы обнаружили пропажу, а пятого — в воскресенье — здесь никого не было, значит, последний раз вы проверяли лекарство... когда?

— В воскресенье. Я до вечера просидела на работе и в пять часов на всякий случай вскрывала сейф.

— На какой такой случай?

— Просто для самоуспокоения.

— Ясно. Получается, в то же время днём раньше все ампулы были на месте. Лекарство украдено в течение суток. Когда вы покинули кабинет и он остался без присмотра?

— Около восьми часов вечера. До этого времени я находилась здесь. После заперла дверь и ушла.

— В ту ночь вы не дежурили?

— Нет.

— Значит, мне нужно поговорить со всеми сотрудниками клиники, которые находились здесь в ту ночь. Их много?

— Я могу позвать их всех по одному сюда, чтобы вы побеседовали с ними. По крайней мере тех, кто сегодня работает.

— Буду очень признателен.

— Тогда давайте начнём уже, — сказала Анна и протянула руку к телефону.

Анна вышла за территорию клиники после полудня. Очень хотелось есть и спать, но больше всего на свете она сейчас мечтала забыть о произошедшем ночью и об утреннем разговоре с главным врачом.

Морозный воздух и просачивающиеся промеж елей лучи солнца позволили почувствовать облегчение, но сон всё равно был бы лучше.

На стоянке Анна встретила Диму — охранника, дежурившего в её смену. С неподдельным интересом пареньковырляя носком ботинка примятый снег.

— Чего там, клад нашёл? — поинтересовалась Анна, понимая, что внимания Димы ей не избежать.

Он поднял голову.

— Да нет, монетку. Собираю десятирублёвые ограниченной серии.

Дима присел на корточки и извлёк из-под снега находку.

— Она?

— Не-е, — он выкинул монету и сунул руки в карманы куртки. — Не подкинешь?

— Удивлена, что ты раньше не уехал. Тебя же допросили первым.

— Машина в ремонте. Стою вот, жду, кто подвезёт. Ты сама-то почему так рано? На тебя не похоже.

Анна вздохнула:

— Не сегодня. После прошедшей ночи мне нужно отдохнуть. Кулешов отпустил.

— Он всегда отпускает, но ты один фиг тут торчишь.

Анна молча открыла машину и пригласила Диму садиться. Сама сняла дублёрку, закинула на заднее сиденье и уехала за руль. Прогрела двигатель, выехала со стоянки и направилась в сторону города.

На трассе от Винзелей до Тюмени Дима не удержался и завёл разговор о том, о чём Анне хотелось говорить меньше всего. Она жалела, что не удалось преодолеть путь в одиночестве.

— Ну, выкладывай наконец! Как всё было? Что ты увидела? Я себе покоя не нахожу, — сказал охранник, смотря в упор. Он снял шапку и скомкал её. На голове во все стороны торчали чёрные лохмы.

Анна сама не понимала до конца, что же всё-таки произошло ночью в пустой палате. С другой стороны, Дима — участник событий, обсудить, по сути, больше и не с кем.

— Не знаю. Ты не поверишь. Или смеяться будешь. Я и сама начала сомневаться, видела ли что-то.

— Ты говорила, девочка. Расскажи подробнее. Обещаю, ржать не буду.

Анна поймала себя на мысли, что внимание её рассеяно. Покрепче сжав руль и чуть приоткрыв окно, чтобы холодный воздух придал бодрости, она в подробностях рассказала о

произошедшем. В конце рассказа вновь ощутила страх, рассеявшийся с наступлением дня подобно утреннему туману.

Дима не перебивал, не смеялся. Он сидел с серьёзным видом и смотрел на дорогу, время от времени поглядывая на Анну, когда голос её срывался от нахлынувших чувств. Обдумав услышанное, спросил:

— На кого похожа та девочка? Может, ты её знаешь?

— Нет, Дим. Говорю же, у неё не было лица. Оно было срезано, кожа отсутствовала. Выглядело так страшно, так мерзко...

— Ага-ага. Извини, что напоминаю. Но всё же не сомневаюсь, что тебе *привиделось*, я же проверил. Как думаешь, от чего могло такое произойти? Имею в виду, какое объяснение ты видишь, как психиатр? Ты же постоянно сталкиваешься с галлюцинациями своих подопечных. А тут...

Больше всего Анна боялась, что именно так и будут говорить о ней. Что, мол, ты работаешь с подобными случаями, не кажется ли тебе, что ты сама из-за этого немного того?

— Знаешь, — сказала она, — галлюцинации бывают двух типов: истинные и ложные. При ложных человек осознаёт, что это именно галлюцинации, не имеющие ничего общего с реальностью. Но не может при этом избавиться от таких видений. Есть истинные галлюцинации: страдающий ими считает, что все остальные вокруг тоже их видят. Такого пациента практически невозможно убедить, что не существует того, что ему мерещится. Для них это так же реально, как для

нас сейчас дорога впереди и проезжающие мимо машины. Персонажи яркие, отличить их от настоящих очень трудно. А иной раз их может быть множество, когда их присутствие напоминает отдельную сценическую постановку, только для одного зрителя. Головой я понимаю, что то видение ложно. Но оно было таким чётким... Даже сейчас отлично помню каждую деталь. Девочка стояла, свет погас, а потом, когда включился и она повернулась ко мне, её силуэт не выглядел расплывчатым или прозрачным, не походил на какую-то голограмму из фильма о призраках. Девочка была *настоящей*.

— Но она же исчезла? — уточнил Дима.

— Для меня она исчезла, потому что я выбежала из палаты и без оглядки неслась по коридору.

Дима улыбнулся.

— Хорошо, что я тебя перехватил. А то не хватало ещё, чтоб ты на лестнице шею свернула.

— Да, спасибо. Но я всё же не пойму, почему ты сразу не пришёл? Ты же всегда так внимательно следишь за всем.

Дима пожал плечами, вроде как с досадой.

— Ага, мой косяк. Извиняй. Начальник мне выговор впалял за это. Я видел тебя, но не понял, чего ты там машешь. Потом ты зашла в палату, и я вспомнил, что она должна быть пустой. Чего, думаю, туда попёрлась? Вот тогда и почувствовал неладное и решил проверить, а то мало ли, — и после объяснения Дима сменил тему: — Так, а что может быть причиной увиденного, если предположить, что была галлюцинация?

Анна думала об этом всё время.

— Причины могут быть разные, например передозировка алкоголем, наркотиками, неправильный приём серьёзных медикаментов. Но это у больных, у пациентов клиники. У здоровых людей — из-за недостатка сна, физического переутомления, нехватки кислорода, голода, сильного переживания или острой боли. Причин более чем достаточно, но ни одна не подходит для меня.

— Ну-у-у... — протянул Дима. — Я тебя, конечно же, не так хорошо знаю, чтобы утверждать наверняка. Но мне кажется, ты где-то лукавишь, — съязвил он.

Анне было не до шуток. Она не отреагировала.

— Опять же, — вновь заговорил Дима, — ты много работаешь. Может, реально переутомилась?

— Кулешов так же сказал. Не верю. Не чувствую я хронической усталости.

Анна снова прокрутила в голове события ночи. Увидев впереди затор, сбавила ход, крепче схватившись за руль.

— Чего это там?

— Похоже, авария, — отметил Дима, наклонившись ближе к лобовому стеклу. — После снегопада немудрено.

Проезжая мимо двух легковых автомобилей, сплюснутых в результате лобового столкновения, Анна увидела на обочине встречной полосы женщину с неестественно вывернутой головой. Она стояла лицом к проезжей части. Без обуви, рассеянно наблюдая за происходящей вокруг суетой. Нос

вдавлен в лицо, по щекам и подбородку размазана кровь, рот приоткрыт. Зубов как будто не осталось, хотя Анна могла не разглядеть с такого расстояния. Одежда на женщине была местами разорвана и выпачкана в крови. Из-под оборванного рукава белой плюшевой куртки из руки торчала сломанная кость. При этом, никто не спешил оказать ей помощь — ни случайные зеваки, вызвавшиеся помочь, ни врачи скорой помощи, снующие вокруг разбитых машин.

— Смотри, — сказала Анна, снизив скорость. — Почему ей никто не поможет?

Дима наклонился ближе к девушке, пытаясь получше разглядеть увиденное. Анна ощутила его дыхание и даже сладковатый аромат парфюма.

— Думаю, ей уже не помочь. Погнали. Без нас разберутся.

Проехав место ДТП, Анна плавно нажала на педаль акселератора и увеличила скорость. Какое-то время они ехали молча, пока Дима не нарушил тишину очередным вопросом.

— Что там этот фээсбэшный хмырь? О чём тебя спрашивал?

Анна была рада отвлечься от мыслей об увиденном ночью, поэтому охотно ответила:

— Практически то же самое, о чём и тебя. Порядок выдачи лекарства, у кого есть доступ. Снял отпечатки пальцев снаружи и внутри сейфа. Мне кажется, он подозревает меня. А я ещё, как дура, начала ему глупые вопросы задавать. Спросила, что будет делать с отпечатками, как будто и так

непонятно. Ещё не хотела, чтоб он ампулы видел. Подумала, сейфа и ампульницы хватит.

Дима рассмеялся.

— А как бы он понимал тогда, что искать, если не будет знать, как они выглядят.

— Вот и мне так сказал. Как думаешь, он считает, это я сделала? — от одной только мысли Анну передёрнуло. Она жалела, что повела себя так с офицером ФСБ. Ведь такое может быть чревато последствиями.

— Да брось, — непринуждённо кинул Дима. Он взглянул в зеркало, увидел взлохмаченные волосы и теперь безуспешно пытался их пригладить. — Надо быть законченной дурой, чтобы пытаться провернуть кражу, будучи ответственным лицом за хранение препарата. Если он так думает, то ещё больший болван, чем мне показалось.

Анну слова охранника позабавили. Она расслабилась.

— Он не показался мне болваном. Скорее, наоборот, человеком, хорошо разбирающимся в своём деле. Вопросы задавал по существу, работу по снятию выполнял со знанием дела. Насколько я, конечно, в этом разбираюсь.

— А ты знато-ок. — заметил Дима.

— Нет, просто видно же, когда человек профессионал. Всё слаженно, без заминки, будто проделывал подобное много раз. Прямо как в книжных детективах. Но сама клиника его, похоже, удивила.

Дима хмыкнул.

— Она кого хочешь удивит. Вспомни, когда сама пришла сюда.

Анна прекрасно помнила, как впервые пересекла порог «Лесной сказки». Сказать, что удивилась — ничего не сказать.

— Да уж, было дело. Сейчас всё кажется обыденным, но для простых людей, знакомых с типичными медицинскими учреждениями, наша клиника прямо кладезь открытий и ноу-хау.

— И не говори.

— Кстати, Дим, а почему ты дежурил в ночь с пятого на шестое, вроде же не твоя смена была?

Дима повернул к ней голову.

— Подозреваешь меня?

— Нет, конечно, просто интересно.

— Олег попросил подмениться. По ходу, приболел. Согласовали с начальником, так что не волнуйся, всё пучком. Я уже и сам жалею. Нафига мне эта канитель с расследованием. Но я не при делах, уж ворюгу в твой кабинет никак не мог пропустить. Всё проверили по камерам, они соврать не дадут.

— Я не волнуюсь, просто спросила.

Дима замолчал. Они въехали в город и непривычно быстро продвигались в нём. Видимо, на рождественские праздники люди предпочитали запереться в своих уютных гнёздышках и лишний раз не морозить пятую точку.

— Где тебя высадить? — спросила Анна.

Дима огляделся по сторонам.

— Через две, нет, три остановки. Загляну в автомастерскую. Они вроде без выходных работают, посмотрю, как обстоят дела с моей «ласточкой».

Доехав до нужного места, Анна остановила машину. Дима открыл дверь, перекинул ногу через порог, но выходить не спешил. Он повернулся и спросил:

— Слушай, сходим куда-нибудь вечером, а?

Анна посмотрела в его глаза и как можно мягче ответила:

— Прости. Давай не сегодня. Я очень устала и хочу отдохнуть. После всего случившегося мне нужно побыть одной.

Дима огорчился, хотя и пытался это скрыть.

— Как всегда. Проспись и подумай хорошенько, может, как раз одиночество тебе сегодня и не нужно? Обещаю, скучно не будет. Пойдём куда захочешь. Хоть кафе, хоть ресторан, кино или театр. Ну как?

Анна снисходительно улыбнулась. Дима ей нравился, но к отношениям она не готова. Он уже почти год не прекращал попыток уговорить её на свидание. В другие времена она давно бы его отшила, но его старания были такими ненавязчивыми, что казались даже приятными.

— Я подумаю. Может, и напишу.

— Верю, на этот раз ты решишься. Буду ждать. Спасибо, что подвезла.

Он покинул салон автомобиля, Анна поехала домой.

Из клиники Слава уехал гораздо позже, чем рассчитывал, и теперь впопыхах стучал по клавиатуре в «тёмной», добивая последние предложения в отчёте. Закончив текст и распечатав его на листах с грифом «Особой важности», он уложил бумаги в папку и пошёл в кабинет Бульдога.

Несмотря на выходной день, народу в здании управления находилось немало. Начальник провёл совещание, дверь в его кабинет была приоткрыта после недавно убывших сотрудников. Получив разрешение, Слава вошёл.

Воздух внутри был спёртым, начальник открыл окна на проветривание.

— Садись. Доделал?

— Да.

Бульдог просунул нос в приоткрытое окно, шумно вдохнул морозный воздух, хлынувший с улицы, после чего сел в кресло. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, откинулся на спинку, с явным удовлетворением положил руки на подлокотники.

— Ну давай, рассказывай.

Слава начал с описания забора клиники, отметив повсеместное наличие камер как снаружи, так и изнутри. Потом не без критики описал главврача и их первую встречу. Затем в мельчайших подробностях поведал о снятии отпечат-

ков пальцев на сейфе, разговоре с заведующей психиатрическим отделением, а также почти со всеми врачами и охранниками, которые могли что-то видеть в ночь пропажи препарата.

Бульдог внимательно слушал, обильно засыпая рассказчика вопросами. Сложно было понять его эмоции, но периодически Славе всё-таки удавалось отметить на лице несвойственное ему удивление. Когда наконец закончил, Слава перешёл к самой интересной, на его взгляд, части повествования, к той, где он вновь вернулся к главврачу на повторную, более откровенную беседу. Как только Слава начал говорить, Бульдог его тут же перебил. Пододвинулся к столу и наклонился, словно хотел лучше слышать:

— Постой. Ну-ка ещё раз повтори. Ты заявил, что хочешь снять отпечатки пальцев всех сотрудников клиники, а в идеале ещё и пациентов, а он *что*?

— Он сказал, в этом нет необходимости, так как у них имеется собственная база данных, где есть все отпечатки.

— А зачем они им?

— Я и спросил. Он лишь пожал плечами и сказал, что так нужно.

Бульдог помолчал, обдумывая услышанное. Почесав в ухе, спросил:

— И он разрешил тебе сверить отпечатки, что ты снял с сейфа, с теми, что имеются в базе?

— Да. Я, конечно, уточнил, сможет ли он мне предоста-

вить в таком случае полный список сотрудников и пациентов. Он сказал, сможет при условии, что я прочитаю и забуду. Никаких распечаток, никаких фотографий или копий. Лишь для того, чтобы я убедился, что количество отпечатков и их владельцев совпадают.

— А если в этом списке или базе будет недоставать кого-то, кого он хочет покрыть?

— На этот случай он может дать мне своё честное слово, что никого не утаит.

— А ты объяснил этому дурню, что мы можем затребовать базу данных без его сраного разрешения?

— Естественно.

— И?

Слава поправил манжеты рукавов на рубашке.

— Он сказал, цитирую: «Попробуйте».

На этот раз не составило труда прочесть эмоции Бульдога. Его это явно было ущемлено.

— Ты отразил это в отчёте?

— Разумеется, Константин Михайлович. Всё дословно записал. Мне этот надменный тип сразу не понравился, а после тех слов я едва сдерживал себя не высказать всё, что думаю о нём. Он там мнит себя не главврачом, а как минимум королём небольшого царства. Сотрудники ходят как по струнке. Даже охранники, кажется, больше подчиняются ему, а не начальнику охраны. Очень странная клиника. Вы пытались выяснить, кто они?

— Пытался, — Бульдог потирал щетину на толстых щеках. — Ничего не вышло.

— Как — не вышло?

— Информации о них нет. Пришлось лично покопаться в интернете, дело ж охренеть какое секретное, лишний раз ни у кого не спросишь.

— А Москва?

— Москва сказала не совать свой нос куда не следует.

Слава опешил. Он поверить не мог, что человеку в такой должности могли ответить подобным образом, пусть даже и москвичи.

— Так какого они от нас тогда хотят?

— А вот такого. Иди ищи то, не знаю что, везде, не знаю где, и допроси того, не знаю кого. Я предупреждал, задачка не из лёгких.

Слава и сам понимал, что случай необычный. Но чем дальше, тем хуже. А между тем, на кону по-прежнему стояла его карьера. Он понизил голос и заговорщически спросил:

— Может, это, Константин Михайлович. Может, я подрежу список?

Бульдог вперил в него удивлённый взгляд, стремительно ставший гневным. Славе казалось, начальник вот-вот его укусит в приступе бешенства.

— Ты идиот? Как ты думаешь, если всё так серьёзно, что будет с тобой за такие проделки? Да и со мной.

Слава раздосадовано сжал губы.

— Я понял. Просто поинтересовался. Вы сможете запросить добро на предоставление списка сотрудников и больных через Москву? Я думаю, тогда этот остроклювый Гриф не отвертится, а мы сможем поподробнее изучить подноготную больнички.

Бульдог успокоился.

— Гриф?

— Он похож на птицу, — Слава, естественно, промолчал, что по его скромному мнению сам начальник похож на собаку. О его привычке давать всем прозвища мало кто знал.

— Попробую, но уверен: откажут. Нам же сказали не копать под клинику. Ты лучше скажи, когда он сможет тебя принять, чтобы ты занялся сравнением отпечатков?

— Мы обменялись номерами, обещал позвонить. Возможно, завтра после обеда. Ему надо запросить добро у своего начальства, но он не сомневается, что разрешат.

— Странно было бы, если не разрешили, — заметил Бульдог. — Учитывая, что работаем в их же интересах. Что ещё ты у него спрашивал?

— Да всё то же самое, что и у остальных. В этот раз он не юлил, отвечал по существу и не оговаривался. Полностью владеет обстановкой в больнице. И в то же время, как только речь заходит о более существенных вещах, вроде устройства клиники или о пациентах, он тут же уводит разговор в сторону либо сразу пресекает обсуждение не понравившейся ему темы.

— Поясни, — Бульдог минут десять не менял положения и не шевелился. Разговор его увлёк.

— Ну, например, я спросил, почему в кабинете Анны нет камеры, хотя бы направленной исключительно на сейф. Он говорит, мол, личное пространство и что лекарство привезли недавно, не рассчитывали, что оно будет храниться отдельно от остальных. При этом сигнализацию к сейфу подвели, и Грифа абсолютно не смущает, что по коридорам внутри здания и по прилегающей территории шагу ступить нельзя, чтоб тебя не заметили. А охрана обязательно заметит. Я одним глазком глянул, когда проходил мимо, — у них там в дежурке полноценная система видеонаблюдения. Опять же, спросил об охране. Мол, кто такие? А он говорит: чоповцы. Я спрашиваю, что за контора, он мне: не имею права разглашать. Охранники тоже все как на подбор — спортивные, молодые. У каждого при себе «Ярыгин». У каждого! Может, такое и возможно в медицинских учреждениях, пусть частных, но я не сталкивался. Какие затраты у них на безопасность? Кто оплачивает? Минздрав? А я, между прочим, ещё не ходил по отделениям и не видел, что творится там. Меня, как собачонку, водили от кабинета к кабинету под надзором этих верзил. Подозрительнее места я не видел. И вся эта шляпа прямо у нас под носом. Но это моё личное мнение. У меня всё.

Только к концу продолжительной речи Слава понял, как сильно вспотели у него ладони. Воздух в кабинете стал про-

хладнее, но тело покрылось испариной. Он позволил себе расслабиться и откинулся на спинку стула.

Бульдог встал с кресла и молча закрыл окна. Затем привычно стал расхаживать мелкими шагами по кабинету. Наверное, это помогало ему думать.

— Эти наблюдения ты тоже отразил в отчёте? — наконец спросил он.

— Нет, — Слава больше не напряглся. Выговорившись, чувствовал себя на удивление легко. — Только задаваемые мной вопросы, для дела. Ну и его ответы, соответственно. Свои мысли про оружие охранников и камеры опустил.

— Правильно. Так дальше и действуй, пока нам не развяжут руки. Если у тебя всё, не задерживаю. Почитаю отчёт и отправлю в Москву. Чем завтра будешь заниматься?

— С утра перенесу данные отпечатков на флешку. Попрошу парней скинуть мне программу распознавания. Потом покопаюсь в интернете. Может, найду что-то про главврача и эту Анну. Данные опрашиваемых я тоже себе записал, глядишь, чего-нибудь нарою. Если доктор позвонит, то после обеда поеду в клинику.

— Добро. Я всё-таки попробую выпросить разрешение на затребование списка всех, кто есть в клинике. Будут новости, сообщу. Иди. И не забывай: о деле — никому.

— Конечно, я понял.

Слава встал и спешно покинул кабинет.

Анна проснулась ближе к восьми вечера и целый час провалялась в кровати, нежась под тёплым одеялом. В углу копошился Добби, и она с интересом поглядывала на его редкие и вялые передвижения в террариуме. Казалось, игуана чувствовала настроение хозяйки и так же, как она, пребывала в ленивом безделье. Телефон лежал рядом, на матрасе. Взяв его, увидела два пропущенных звонка от Димы. Перезванивать не стала, лишь написала в мессенджере, что сегодня встретиться не получится.

Как и в прошлый раз.

И позапрошлый.

Всегда, когда он звал её на свидание.

Она не готова.

Пока.

Но время шло, и Анна всё больше склонялась к мнению, что её согласие не за горами, если он не бросит попытки.

Когда тишина надоела, Анна включила телевизор и принялась переключать с канала на канал в поисках какой-нибудь романтической комедии. В очередной раз нажав на кнопку пульта, наткнулась на местные новости. Корреспондент рассказывал про аварию, свидетелями последствий которой стали они с Димой. Четыре человека погибли, двоих увезли в больницу в крайне тяжёлом состоянии. Анна выискива-

ла взглядом женщину, что стояла на обочине. Увидела. Тело накрыто белой простынёй, но ноги без обуви и подол зелёного платья торчали из-под ткани. Значит, Дима оказался прав, и спасти несчастную не удалось. Погибшая лежала не на обочине, а посреди проезжей части. Видимо, столько смогла пройти, прежде чем покинуть этот мир.

Как скоротечна жизнь и как коварна смерть, способная поджидать в самых неожиданных местах и забирать людей в тот момент, когда её совсем не ждёшь. К сожалению, Анна слишком хорошо это знала.

Дальше в новостях пошла речь о каком-то вирусе, сеющем панику в Китае, и Анна стала жать кнопки на пульте, пока не нашла комедию. Убавила звук. Память опять взялась за своё и стала засорять голову мрачными мыслями, возвращаясь к разговору с главврачом.

— Может, ты переутомилась и тебя отправить в отпуск? Ты своей работой доведёшь себя до психушки, — съязвил он.

По лицу, интонации и поведению никогда нельзя было угадать, о чём он думает. Шутит или говорит серьёзно, осуждает или сочувствует. Когда-то Анна полагала, что научится читать и распознавать реальные эмоции Ярослава, но он оставался таким же загадочным, как в день их первой встречи.

— Всё в порядке. Если вы не против, сегодня уйду пораньше и выплусь. Завтра буду в норме.

Уйти в отпуск Анна себе позволить не могла. Работа была единственной нитью, связывающей её с этим жестоким, по её мнению, миром. Учитывая череду перенесённых разочарований и утрат, лишь клиника даровала её жизни смысл.

Ярослав молчал, вперив стальной взгляд. Как и много раз прежде, Анна не выдержала и опустила голову.

— Понятно, — пробасил он, стуча пальцами по столу. — Но уйти после нашего разговора не получится. С минуты на минуту прибудет сотрудник ФСБ, и разговаривать с ним в основном будешь ты. У меня совещание. Давай обсудим, что ему можно показать и о чём рассказать.

Анна обрадовалась смене темы, но её не прельщала предстоящая встреча.

— Покажу ему сейф, расскажу всю правду. Мне скрывать нечего, правильно?

— Правильно. Но не углубляйся в работу клиники и разношёрстный состав пациентов. Ему незачем знать, кто у нас лежит, сколько и тому подобное. Расскажем потом, если дело затянется. Скажи, я не должен переживать?

Анна не поняла.

— По поводу?

Главврач подвинул вперёд кресло, наклонился над столом, облокотившись на него, и с совершенно серьёзным видом спросил:

— Это же не ты свистнула препарат?

Анна негодовала. Он уже спрашивал, и конечно, она от-

ветила отрицательно. Однако само подозрение унижало её.

— Ярослав Иванович, меня настораживает ваш вопрос. Даже больше — *оскорбляет*. Вы знаете меня давно. Знаете, что работа — моё всё. Я не раз вам говорила, как ей дорожу, и вы неоднократно убеждались в этом на результатах моей деятельности. — Она замолчала и отвела взгляд в сторону, боясь, что под его напором может разреветься.

Ярослав расслабился и улыбнулся.

— Ладно, ладно. Не обижайся. Я так, на всякий случай. Не хочется, чтобы чекист ненароком выяснил, что один из моих лучших врачей замешан в краже. Где я найду ещё такую пчёлку?

Анна растаяла. Лестно слышать подобные слова. Она зажала переносицу, сиюсь сдерживать нахлынувшие эмоции.

— Если он попросит вскрыть сейф, можно?

— Конечно. Только когда попросит, не давай ему фотографировать содержимое.

— Зачем бы ему это?

— Наверняка захочет снять отпечатки пальцев. Помимо всего прочего они делают снимки места преступления. Снаружи сейф сфотографировать можно, а вот ампулы — нет.

Наверное, в тысячный раз Анна удивилась поразительной эрудиции Ярослава Ивановича. Откуда он всё это знает?

— Хорошо.

Главврач громко закашлял, после чего, извинившись продолжил:

— Аня, ты взрослая девочка. Думаю, на этом закончим. Давай ещё раз вернёмся к произошедшему ночью. Это меня волнует сейчас больше.

Странно слышать такое. Что значат её видения по сравнению с лекарственным препаратом, исчезнувшим из-под носа врачей в клинике, охране которой могли позавидовать видные корпорации?

— Мы же вместе смотрели, вы всё видели.

О происшествии с Анной главврачу доложили ночью, в результате чего он приехал на работу раньше обычного. С Анной и Димой они просмотрели записи видеокамер. Анна ещё раз убедилась, что девочки, напугавшей её до полусмерти, на видео нет. Зато все увидели нелепое поведение с момента, когда она заглянула в злосчастную палату, и до того, как Дима перехватил её в коридоре, несущейся со всех ног подальше от страшной находки.

— Видел. Но вот думаю, насколько реально то, что ты наблюдала?

— Очень реально. Иначе моя реакция была бы другой.

— Как думаешь, чем вызвано твоё видение? Не повторение ли оно того случая, о котором ты рассказывала пару месяцев назад, и не прослеживается ли тут какая-то связь?

Анна сидела на диване, понимая, что этот вопрос донимал её всю ночь. Как ни пыталась, но списать галлюцинации на усталость и найти связующую нить между этими двумя событиями не смогла.

— Не знаю. — Тихо начала она. — Не уверена, что в тот раз действительно видела то, о чём говорила. Тогда я могла просто спутать человека с кем-то из тех людей, что были рядом. Здесь же путать попросту не с кем. Поэтому сомнения у меня нет, но в этом-то и проблема. Я не могу сослаться на ошибку. Я — *видела*. А вот почему — понятия не имею.

Главврач смотрел ей в глаза. Анне показалось, его удовлетворили адекватные и рассудительные ответы. Наверное, посчитал, что с головой у неё всё в порядке.

Продолжения не последовало, пришёл сотрудник ФСБ.

Сейчас же в памяти вновь всплыл тот образ несчастной девочки. Даже допуская крамольную мысль, что видела призрака, Анна задавалась вопросом — кому он мог принадлежать и почему видела только она? Девочка ничего не говорила (интересно, привидения умеют разговаривать?), ни на что не указывала, не пыталась навредить Анне (вроде), просто смотрела голубыми глазами на жуткой кровавой массе вместо лица.

И тянула к ней руки.

Анну пробил озноб от мысли, что когда-то ей придётся столкнуться с девочкой вновь. Она задумалась о своих пациентах, оказавшихся в клинике из-за подобных видений. Некоторые относились к этому спокойно, как к само собой разумеющемуся, но другие бились в истерику при встрече с персонажами, увиденными лишь ими. Не хотелось Анне стать похожей на тех, кого она так хочет вылечить.

Поставив на телефоне будильник, она постаралась выкинуть из головы дурные мысли и под мелькание картинок на телевизоре опять уснула.

Данила проснулся, когда неведомым образом почувствовал на себе тяжёлый взгляд. Его трясло от холода. Форменные штаны, тельняшка и трусы до сих пор не высохли. Босые ноги никак не могли согреться с тех пор, как он очнулся на пляже. Он перестал чувствовать на них пальцы. Лишь усталость позволила уснуть, иначе не сомкнул бы глаз от стука собственных зубов.

С минуту Данила сомневался, стоит ли открывать глаза. Подозревал, что увиденное не сулит ничего хорошего, и даже прикинул, а не послать ли всё к чёрту, не проигнорировать ли это мерзкое ощущение, и будь что будет. Хорошенько поразмыслив, решился.

Подняв веки, обнаружил себя в тесной камере, лежащим на деревянной лавочке, с положенным на неё тонким матрасом и грязным постельным бельём. Свет проникал через небольшое зарешечённое окно, тусклая лампа зачем-то была включена и давила на глаза. От пола тянуло сыростью и холодом. Атмосфера в помещении с серыми бетонными стенами напоминала картину из какого-то второсортного фильма ужасов. Воняло бомжами, кислятиной и мочой. Возле двери, сделанной из металлической решётки с вставленными в неё стёклами, расположилась высокая тень — тень Существа в капюшоне. Существа без лица.

Первым порывом Данилы было желание подорваться со спального места и кинуться на извечного врага, но, словно предвидев задуманное им, часть тени отделилась от стены, преобразовалась в объёмную костлявую руку и растопыренной ладонью дала знак не шевелиться. Ветхие рукава чёрного балахона свисали с костей чуть ли не до пола.

Данила остался на месте. Сон как рукой сняло, и теперь он смотрел на жуткое Существо, одновременно находящееся сразу в двух реальностях. Там, где должно быть лицо, как и прежде, зияла чернота, прикрытая капюшоном широкого балахона. Убедившись, что Данила остаётся на месте, Судьба погрузил руку обратно во второе измерение бетонной стены и снова стал абсолютно плоской Тенью.

Какое-то время они смотрели друг на друга, и Данила поймал себя на мысли, что больше не боится своего противника. Смотрели — не совсем точный термин. Сложно говорить о противостоянии взглядов, когда у твоего оппонента отсутствуют не только глаза, но и лицо.

— *А ты изменился, парень,* — проскрежетал мерзкий голос. Раньше он был несколько другим, стариковским. — *Ты успел осознать это в полной мере?*

Тень замолчала, а Данила не нашёл что ответить. Ему казалось, с момента, как покинул корабль, с этой жуткой тварью покончено навсегда. Но ещё большей неожиданностью стал разговор, который завела Тень.

Медленно, стараясь не провоцировать врага на атаку, Да-

нила сел, опершись спиной о стену и согнув ноги в коленях. Отчего-то он опасался свесить их с лавки и поставить на пол, так и замер, как в те времена, когда в детстве играл в «выше ножки».

— Чего ты хочешь? — спросил Данила, когда принял, как ему показалось, наименее уязвимое положение тела. — Я думал, мы с тобой распрощались.

Тень выдавила из себя улыбку. Чёрт его знает как, но Данила ощущал её, хотя не видел.

— *Дружок, — вновь заговорил Судьба противным голосом. — Мы распрощаемся с тобой, лишь когда я так решу и когда ты сыграешь отведённую роль. Тебе пора выбирать-ся из этого гадюшника и следовать пути, что тебе предназначен.*

Мысли путались. Состояние Данилы после сна улучшилось, но не настолько, чтобы понять значение пространной чуши, которую услышал.

— Какая на хрен говнороль, ты, ублюдок! — Данила повысил голос. — В прошлый раз ты меня чуть на тот свет не отправил, а теперь мозги ебёшь каким-то предназначением? Иди в жопу со своим сраным путём. Моя дорога та, что сам выберу. И с тобой нам точно не по пути.

Тень стремительно скользнула по двери камеры, стекло почернело, местами на нём появились трещины. Затем пронеслась по бетонной стене и чёрным муралом замерла рядом с Данилой. Рука покинула пределы бетона и, материали-

зовавшись в воздухе, сжала длинными костлявыми пальцами горло Данилы. Он попытался вырваться, схватился обеими руками за костяное предплечье противника, но тот лишь усилил хватку. Дыхание сковало.

— Ты, щенок! Ты лишь пешка в игре Сил, о которых тебе, ничтожеству, даже знать не положено. Ты пыль под моими ногами, жалкая букашка, которую я могу раздавить в любой момент. Ещё раз услышу из твоей пасти подобное, сотру тебя в бесконечное ничто, а твои останки смою в вонючем сортире этого гадюшника, где ты оказался лишь потому, что так было уготовано.

Данила не мог вздохнуть, не мог выдать из себя ни слова, пока Судьба не ослабил хватку. Высвободившись, прокашлялся и хриплым сбивающимся голосом просипел:

— Попробуй...

Тень разжала ладонь и не торопясь поплыла по стене к исходному месту, причудливо меняясь в размерах: то увеличиваясь, то уменьшаясь, то волнами перекатываясь по углам камеры. Добравшись до двери, дьявольское отродье замерло.

— Ещё раз спрашиваю, ты ощутил в себе изменения?

Данила потирал шею. Из глаз непроизвольно текли слёзы, он едва сумел восстановить дыхание. Ещё бы чуть-чуть, и задохнулся.

— Нет. Я не понимаю, о чём ты говоришь.

— Значит, время ещё не пришло. Слушай сюда внимательно. Ты выйдешь отсюда и будешь следовать зову серд-

ца. Этот путь приведёт туда, куда нужно. Не сомневайся. Если в конце выполнишь то, зачем нужен, сможешь прожить счастливую и спокойную жизнь. Если не справишься... Лучше тебе не знать, что тогда будет.

Данила недоумевал. Услышанное казалось бредом сумасшедшего. Вначале он подумал, что спит, но, когда Тень сжала горло, понял, что происходящее — самая фантастичная, бредовая, но всё же реальность. Обдумав слова, спросил:

— Так почему ты меня не убил в прошлый раз? Я думал, за тем ты и был на корабле.

Тень смотрела невидимым взглядом. Тьма под капюшоном стала ещё чернее, даже, пожалуй, гуще обычного.

— *Это было испытание. Если хочешь — проверка.*

— В чём?

— *Ты сам поймёшь. Не всё же мне тебе разжёвывать.*

Данила услышал звуки шагов, доносящихся из-за двери. Отчётливо увидел силуэты двух полицейских, шагающих по коридору. Мысленно представил начальника полицейского отделения, который ожидает его, Данилу, у себя в кабинете. Стало любопытно, что будет, когда менты увидят демона, с которым он ведёт непринуждённую беседу. И всё же, не находя объяснения своему поступку, сказал Тени:

— Уходи. За мной идут. Скоро отведут к старшему.

Тень вознесла руки кверху:

— *Ну наконец-то,* — громогласно произнесла она, и по телу Данилы пронеслась вибрация, как от слабого разряда

тока. — *Вот и ответ на мой вопрос. Мы ещё встретимся, морпех. А ты не оплошай, будь умнее и осторожнее. Ставка сделана на тебя.*

Тень вынырнула из двумерного пространства стены, преобразовавшись в расплывчатое облако, парящее над полом. Затем оно полетело в сторону Данилы и, достигнув его, проникло сквозь телесную оболочку внутрь. У Данилы перехватило дыхание.

Послышался лязг металлических засовов снаружи, и спустя пару мгновений дверь открылась. На пороге стоял полицейский с наручниками в руках. Его лицо выражало скуку. Позади мялся ещё один.

— *Задержанный, встать. Лицом к стене, руки за спину.*

Данила открыл глаза и обнаружил себя лежащим в тесной бетонной конуре на тонком матрасе с грязным постельным бельём. Воняло бомжами, кислятиной и мочой.

На этот раз глаза открыть смог, но лучше бы не открывал. Мир вокруг оказался ещё хуже, чем он себе представлял.

До самого горизонта тянулась рыжая пустыня. Её выжженная глинистая почва — местами потрескавшаяся, местами присыпанная песком — напоминала тусклую постапокалиптическую картинку. По холмистой поверхности, подгоняемые горячим ветром, скитались шарики перекаати-поля, походящие на странников в поисках приюта. Чёткость и без того унылого пейзажа искажали волны раскалённого воздуха, торопливо плывущие от земли ввысь. Перистые облака, похожие на корявые мазки неумелого художника, двигались с такой скоростью, что и не понять: они ли плывут по небу, либо небо вопреки здравому смыслу вертится над ними.

Он пару раз моргнул. Обстановка не поменялась. Значит, увиденное вполне реально.

Полежав некоторое время, решил: пора что-то предпринять. Сил немного прибавилось, и тогда он рискнул пошевелить руками.

С трудом, но получилось.

Кое-как сумел приподнять голову и огляделся. Со всех сторон картина была одна и та же — мрачная серо-охряная пустыня, нещадно мучимая солнцем.

Он снова уткнулся лицом в песок и поразмыслил. Понимание *кто* он и *где* до сих пор отсутствовало. Память не вернулась, однако способность шевелить конечностями, внушала надежду: он не безнадёжен.

Лёжа на животе, поочерёдно поработал пальцами рук и ног. Было неприятно, даже больно, но не безрезультатно. Разобравшись с пальцами, согнул руки в локтях. Суставы ломало так, будто их зажали в тисках. От боли стиснул зубы, почувствовал на языке крупинки песка, чуть не заорал в голос.

Не выдержав, оставил попытки встать в упор лёжа и снова распластался в ожидании, когда боль стихнет.

Проклинаая всё на свете, и в первую очередь свою амнезию (надо же, ничего не помнит, зато какое слово знает), он снова упёрся ладонями о землю, согнул руки в локтях и выпрямил.

Есть!

Корячась на четвереньках, подобно издыхающему от болезни псу, удерживался в таком положении, несмотря на дикое желание плюхнуться наземь. Тело сводило судорогой, руки тряслись от сильного напряжения, а в голове ходило ходуном.

Вырвало. Желчью.

Желудок был пуст, ничего другого из него извергнуться не могло. Да и желчи как кот наплакал. Он сдвинул правую руку в сторону, затем повторил то же движение левой и сместился, помогая себе ногами. Удалось избежать созерцания

собственной блевотины.

Попытался встать.

Оттолкнулся руками от горячей поверхности и кое-как закрепился в вертикальном положении. Стоя на коленях, раскачивался из стороны в сторону словно тонкое дерево, угнетаемое разбушевавшейся стихией. От непрекращающегося головокружения приходилось то и дело махать вытянутыми в стороны руками, чтобы поймать равновесие и не упасть. Наконец, выровнялся и застыл. Колени нещадно ломило.

Он напоминал себе верующего, просящего у бога спасения.

Пока лежал, в нём жила крохотная надежда, что мир вокруг не так безнадежен, что нужно лишь встать и взглянуть на него под другим углом, чтобы обнаружить вдали признаки жизни.

Ничего.

Никакой жизни здесь не было и быть не могло.

Лишь пустыня.

Лишь зной.

Лишь пустота и смерть, что поджидает его в ближайшем будущем.

И всё же, несмотря на жажду, голод, адскую жару и полнейшую апатию, он выпрямил сначала одну ногу, затем вторую и встал в полный рост. Секунду-другую выравнивался, установил равновесие и сделал первый шаг в направлении неизвестности.

Глава 3

Выписка из судового журнала «МБ-205»

День 13

3 мая, пятница

Ночь не принесла облегчения. Духота и влажность сгушались. Примерно с 00:00 до 01:00 в эфир вышел русский моряк. В течение часа на 16 канале слушали завывания и всякий бред на русском языке.

Продолжаем спускаться к югу. Температура воздуха и воды повышаются. Возникают связанные с этим проблемы. Выключили гирокомпас, будем делать профилактику системы охлаждения — той её части, которая обеспечивает охлаждение в тропических широтах. Механики борются с нестабильной температурой в рефкамере. Несмотря на трудности, свои задачи выполняем. БПК «Вице-адмирал Кулаков» задержал для досмотра подозрительное малоразмерное судно.

Рулевые матросы давно жаловались на проблемы с управлением судном (при работающем одном насосе №2 судно периодически переставало управляться). Механики ополчились на них, обвинили в некомпетентности. Проблема разрешилась, когда прорвало маслопровод. Выяснилось, там давно была трещина, подтравливало масло.

Около 22:00 БПК сообщил, что на связь выходило аварийное судно, просившее ранее помощи. До них около 100 миль,

сами поломку устранить не могут, поэтому просят подойти пораньше. БПК будет ускоряться, пойдёт к нему, нам — следовать самостоятельно. Около 06:00 утра должны встретиться.

1

Анна выпалась так, как не удавалось очень давно. Она чувствовала не только лёгкость в теле и ясность ума, но и небывало приподнятое настроение.

Правда на утреннем совещании у главврача чувство эйфории разбилось вдребезги, когда коллега, дежурившая ночью в отделении Анны, рассказала о палате 2013. Новый пациент снова испражнился у себя в «апартаментах». Убирать экскременты опять ей, и на совещании Анна сидела, надеясь, что Кулешов внезапно отменит своё решение и позволит привлечь к уборке кого-то из санитаров. Но тот молчал, а значит, не оставалось ничего другого, кроме как идти и убирать самой.

После совещания Анна созвала подчинённых врачей в ординаторскую, опросила о состоянии подопечных и распределила задачи. Она заметила, что коллеги смотрели на неё с некоторым любопытством. Видимо, случившееся с ней не прошло бесследно и слухи о происшествии уже пустили свои корни в тесных стенах клиники.

Когда все разошлись, Анна вошла в свой кабинет с одной из коллег и пересчитала ампулы в сейфе. Ранее, посоветовавшись с главврачом, они решили проверять лекарство каждое утро, чтобы в случае пропажи вовремя бить тревогу. Препарат оказался на месте, и, выпроводив коллегу, Ан-

на задумчиво посидела в кресле, надеясь, что кто-нибудь из ночной смены придёт к ней и тет-а-тет расскажет о возможных необычных наблюдениях в клинике. Ей очень хотелось верить, что привидевшаяся девочка будет замечена кем-то ещё.

Никто не пришёл. Анна отправилась к пациенту, по пути зашла в санитарную комнату, переделалась и захватила с собой всё необходимое для предстоящей процедуры. Подойдя к двери, сначала посмотрела внутрь через смотровое окно: пациент сидел на кровати, опершись спиной об изголовье и вытянув ноги. Голова откинута, стеклянный взгляд устремлён в потолок. «Похоже, — подумала Анна, — в кататоническом ступоре¹⁰. Обычное для него состояние после акта дефекации». Она лишь понадеялась, что удастся вывести его из ступора без бензодиазепинов¹¹. Коричневая куча, как и вчера, была наложена возле кровати. Немудрено, учитывая ограниченные возможности пациента.

Убедившись, что мужчина не бушует, Анна осмотрелась. Найдя взглядом дежурного санитаря, дала знак рукой. Несколько дверей на этаже были открыты, туда-сюда снова вали врачи и медсёстры, в коридоре царил умеренный гул.

---

¹⁰ Кататонический ступор – в психиатрии один из видов двигательного расстройства, представляющий собой полную обездвиженность с ослабленными реакциями на раздражение, в том числе болевое.

¹¹ Бензодиазепины – класс психоактивных веществ со снотворным, седативным, анксиолитическим (уменьшение тревожности), миорелаксирующим и противосудорожным эффектами.

Каждый работник занимался своим делом, пациенты не дебоширили. Анна дождалась, когда к ней подойдёт санитар, попросила остаться с внешней стороны двери и присматривать за ней. После вошла в палату.

Одной из самых больших загадок клиники Анна считала нумерацию палат, а соответственно и содержащихся в них пациентов. Она не видела никакой логики в цифрах, что присваивало начальство. На одном этаже можно увидеть как цифру 1, так и 666 или, как на этой двери, 2013.

Плохое число. Анне оно не нравилось. Она понимала: всего лишь цифры, но не понимала, почему именно такие.

Внутри стоял отвратительный запах человеческих экскрементов. К такому привыкнуть невозможно. Анна спешно надела перчатки, достала из кармана халата медицинскую маску и нацепила на лицо. Помогала маска так себе, но немного приглушала рвотный рефлекс.

Принесённым с собой совком для подобных случаев Анна убрала экскременты, закинула их в унитаз и смыла. Затем протёрла пол дезинфицирующим раствором. Грязные тряпки убрала в пакет и крепко завязала, после чего вынесла его в коридор и поставила у входа.

Всё это время больной сидел, не двигаясь, и не смотрел на старания врача. Его глаза по-прежнему заполняла пустота, взгляд замер на потолке, по подбородку стекали слюни, пачкающая пижаму. Анне предстояла ещё одна более трудоёмкая и не менее отвратительная процедура — помыть мужчину.

Пациента привезли месяц назад. Один из тех больных, о которых мало что неизвестно. Но если собрать воедино всю информацию о нём, то выходило примерно следующее. Однажды воскресным утром он пришёл на службу в церковь в каком-то городке под Москвой с несколькими перцовыми баллончиками за пазухой. Во время священного ритуала безумец распылил едкий газ внутри храма, отчего в помещении возникла давка. Сам мужчина при этом надел противогаз или какое-то другое средство защиты дыхательных путей и глаз. Только по счастливой случайности никто из прихожан не пострадал. Вероятно, безумцу пришили бы статью о хулиганстве, максимум об оскорблении чувств верующих, если бы этим всё закончилось. Но мужчина не остановился. Накинулся на священника, чудом избежавшего действия газа, и избил до полусмерти, а когда прихожане покинули здание церкви, поджёг её. При этом он взывал к неким высшим силам и кричал о неизбежной каре людского рода, утверждал, что демоны восстанут из преисподней.

Когда сотрудники подоспевшего наряда полиции вбежали в разгорающееся здание, безумец стоял посреди церкви на одной ноге, окружённый дымом и горящими стенами. В руке держал пластмассовый протез и трубил в него словно в рог. Рядом на полу весь в крови лежал избитый священник.

Полицейские, удерживая злоумышленника на прицеле, вытащили священника и эвакуировали в безопасное место.

Устроивший поджог начал кричать что-то несуразное, об-

зывал полицейских ублюдками, сынами шлюх и порождениями инцеста, и как только его божество спустится на землю, все они будут гореть в пламени Судного дня. Сам он собирался сгореть в той церкви, но вслед за священником стражи порядка вытащили и его, несмотря на ярое сопротивление.

Пожарные прибыли слишком поздно, и церковь практически выгорела. При мужчине не нашли никаких документов, личность установить не удалось. Во время содержания в СИЗО он устраивал истерики, кричал что-то невразумительное и постоянно пытался ускакать на одной ноге, когда его выводили на допросы. За неадекватное поведение был помещён в одиночную камеру, но и там доставлял кучу проблем: пускал слюни, гадил и пытался кусать сотрудников СИЗО.

Поговаривали, что те тыкали его в собственные экскременты лицом, как нерадивого котёнка. Мужчина только смеялся и говорил, что всех их ждут адские муки, когда он станет правой рукой Дьявола. Якобы знает это, потому как сам побывал в преисподней, видел смерть и перевоплощения и даже ногу потерял в том самом Аду.

За содеянное поджигателя должны были судить и посадить в тюрьму. Но медико-психиатрическая экспертиза вынесла заключение о полной невменяемости преступника, и он был направлен на принудительное лечение в одну из клиник Московской области, откуда позже переведён в «Лесную сказку».

Здесь первую неделю мужчина вёл себя буйно и продол-

жал нести ересь про Дьявола и его приспешников. Пару раз его находили в палате спящим на полу совершенно голым, и после того, как будили, он удивлялся своему внешнему виду не меньше, чем обнаружившие его медики. Кулешов, зная мягкий подход Анны к буйным пациентам, назначил её лечащим врачом бедолаги, и спустя время она уловила кое-какие положительные сдвиги в его состоянии.

В психиатрии бытует мнение, что пациентов мужского пола лучше лечить врачам женщинам, а больных женщин, наоборот, мужчинам. Анна считала, что подобный метод имеет под собой основания, но главное — это индивидуальный подход к каждому пациенту.

Психика больных, рассуждала она, похожа на велосипедное колесо. Если в психике, как в колесе, имеются в наличии все спицы, они хорошо натянуты и исправны, то человек живёт обычной жизнью и, подобно колесу, ровно движется по дороге. Конечно, иногда встречаются препятствия и кочки, но колесо их без проблем преодолевает благодаря надутому шинам, прочному ободу и всё тем же спицам. Однако иногда случается так, что яма, на которую наехал велосипед, слишком глубока, а скорость в момент наезда чересчур высокая. Последствия от неожиданной встречи с препятствием чрезвычайно ощутимы. В таком случае изначальная конструкция колеса (а в случае с человеком — психика) нарушается. Теперь колесо состоит из частично отсутствующих, поломанных или погнутых спиц.

Если отсутствующие спицы поставить на место не удаётся, по крайней мере при современном развитии психиатрии, то поломанные худо-бедно можно подлатать, а погнутые и вообще выпрямить. То есть вылечить тяжелобольного нельзя, но привести его в состояние, когда он не будет угрожать окружающим и хотя бы частично проживать реальную, а не вымышленную жизнь, осознавать, что он человек и живёт в человеческом обществе с определёнными нормами и правилами поведения, вполне возможно.

Конечно, многое зависело от того, в каком процентном соотношении какие «спицы» в конкретном человеке.

Анна считала, что в этом мужчине именно поломанных «спиц» хватает, но привести его в чувство можно. Пусть он не будет полностью вылечен, но отчасти — несомненно. И за месяц работы с пациентом Анна окончательно в это уверовала.

Она подошла ближе, оглянулась и убедилась, что санитар за дверью внимательно следит за происходящим в палате. После осмотрела пациента.

— Поможешь мне или так и будешь сидеть? — спросила Анна шёпотом. Знала, именно шёпот зачастую помогает человеку выйти из кататонического ступора.

Мужчина не ответил. Пока она надевала новую пару перчаток, он не двигался. Анна подумала, что придётся ворочать его самой, но мужчина пододвинулся вперёд и лёг. Затем повернулся на бок лицом к стенке и устроился поудоб-

нее. Удивительно, на это ему мозгов хватало, а вот пройти пару метров и справить нужду в унитаз, почему-то нет.

Анна приспустила штаны вместе с трусами и осмотрела пятую точку. Мысленно выругалась и еле сдержалась, чтобы не озвучить скверные мысли. Как и ожидалось, задница мужчины знатно выпачкана.

— Объясни, почему ты это делаешь? — начала Анна беседу, стараясь говорить как можно мягче и вытирая кожу на ягодицах влажными салфетками. Надежду, что пациент её слышит и понимает, о чём она говорит, не теряла. — Я столько для тебя делаю, стараюсь помочь, найти контакт, а ты буд-то специально вредничаешь. Ты же знаешь, куда ходить побольшему, ты делал это много раз. Не можешь сам, так позови на помощь. Можешь понять, что мне это неприятно? Да и самому разве нравится?

Мужчина не ответил. Только нечленораздельно промычал.

— Что-что? — спросила Анна в попытке разговорить подопечного.

Молчание.

Она закончила процедуру, забросила салфетки в пакет, после чего помогла пациенту сесть в кровати. Несмотря на проделки в церкви, здесь мужчина был почти беспомощным. Ел плохо, спал мало и ещё меньше самостоятельно передвигался. Не сразу, только через три недели после того, как его привезли, Анна решилась предоставить ему недорогой пла-

стиковый протез. Однако он им не пользовался, только когда его водили на помывку. В остальное время протез бесхозно валялся в углу палаты. Правда, иногда пациент брал его в кровать и спал в обнимку, как ребёнок с любимой мягкой игрушкой.

— Давай, помоги мне.

Левая нога, согнутая в колене, упиралась в пол, культя правой лежала на матрасе. Теперь он смотрел на Анну сверху вниз и наблюдал за её действиями. Ему было лет тридцать пять, может, чуть больше. Волевой подбородок, густые русые волосы и на удивление крепкое телосложение, несвойственное людям с его изъяном. Оставалось только гадать, что случилось в его жизни такого, на какую яму наткнулось колесо его психики, из-за чего он стал таким.

Мужчина чуть приподнялся, позволив Анне стянуть с него штаны и трусы ниже прежнего. Всеми силами она старалась не смотреть на его половой орган, но любопытство каждый раз брало своё. Её интересовала реакция. Как и много раз ранее, эрекции он не испытывал. И всё же, когда она натягивала на него чистое бельё, у него вырвалось нечто интересное.

— Хе-е-е... — протянул он, когда Анна случайно коснулась яичек.

Она взглянула ему в лицо. Глаза бегали, но не от смущения, а вероятно, от неосознанного чувства, что испытал.

И всё же *испытал!*

Анна не хотела выяснять, импотент он или его просто не интересует противоположный пол, поэтому никогда не заходила дальше. Способ проверить знала, но сама мысль об этом ей была отвратительна. Хотя главврач иногда и пускался в пространные рассуждения на тему влияния женской красоты на пробуждение в психически больных мужчинах доли разума, Анна считала подобное чем-то вроде Фрейдовской чепухи. При условии, конечно, что это не сексуальный маньяк. Уж те на женскую красоту точно реагировали.

Когда Анна закончила, с облегчением отстранилась от пациента и вынесла грязные салфетки и перчатки. Заменяла мужчине трусы. После осмотрела палату, решила, что уборка здесь не нужна, и, взяв в руки планшет с закреплённым на нём листом бумаги, начала опрашивать пациента, записывая вопросы простым карандашом. Получить ответ ей удавалось крайне редко.

— Расскажи мне что-нибудь. Как дела у тебя? Что снилось? Снилось же? Может, у тебя есть какие-то пожелания? — Сверху листа она описала внешнее состояние пациента и краткие подробности утреннего недержания.

Мужчина сидел и пристально смотрел на девушку, стоящую напротив. Слюни она ему подтёрла, но новая порция белых пузырьков опять скапливалась в уголке рта, который он сжимал с неистовой силой.

И тут неожиданно пациент абсолютно разборчиво произнёс:

— Я знаю. Ты *видела*.

Анна замерла. Биение сердца участилось. Глядя на собеседника, она забыла, как дышать. Посмотрев на карандаш, зажатый в ладони, обнаружила его лёгкую вибрацию, передаваемую от трясущейся руки.

— Что видела? — спросила Анна, услышав предательскую дрожь в голосе.

Она прокрутила в голове события последних дней и вспомнила: ведь именно этот пациент не спал, когда она встретила ночью девочку, и наверняка слышал её крики и возню, когда в отделение прибежал Дима.

— Ты слышал мои крики, — заключила она и тут же успокоилась.

— Ты видела *это*, — повторил мужчина. — Я тоже видел.

Анна вновь поймала себя на неконтролируемом волнении. Не могла поверить в то, что говорил пациент.

— Что я видела? Ты видел или нет? Объясни!

Мужчина схватился за голову и принялся раскачиваться взад-вперёд, вернувшись в привычное состояние. Надежда выудить у него ещё что-то заставила её подойти ближе и попытаться добиться желаемого.

— Да, я видела. Расскажи, ты тоже? Может, мы говорим об одном и том же? Девочка? Она заходила к тебе?

Мужчина продолжал раскачиваться и тихо завыл.

— У-у-у... У-у-у... — Слюна стекала по подбородку.

— Господи, да скажи уже что-нибудь! — непрофессио-

нально прокричала Анна.

Пациент поднял голову и посмотрел на неё. Руки по-прежнему держал у висков.

— Сначала ты... Сначала ты... Сначала ты...

Он повторял одни и те же слова раз за разом, и Анна, расстроившись, отвернулась и собралась уходить. Но пациент внезапно схватил её сзади за халат и потянул к себе. Не устояв на ногах, она упала на кровать вместе с мужчиной. Он навалился на неё, обхватив руками.

— Помогите! — выкрикнула Анна, но его ладонь тут же закрыла ей рот.

— Тш-ш-ш... — прошипел он, почти коснувшись своим носом её лица. — Они услышат. Дьявол близко, и он придёт за тобой. Я помогу, а ты должна мне рассказать.

Анна в панике смотрела ему в глаза, пытаясь вырваться, но мёртвая хватка мужчины не позволяла даже шевельнуться. Его тёплое дыхание, сопение, запах были совсем рядом, такими осязаемыми...

В палату ворвался санитар. Он схватил пациента, оттащил от Анны. Она тут же вскочила с кровати и отошла к двери. Увидев планшет, валяющийся на полу, вернулась, подхватила его и встала на прежнее место.

— Всё в порядке? — спросил санитар, скрутив больного. Он придавил его коленом к матрасу и крепко держал, пока Анна не пришла в норму.

— Да, спасибо. Не успел сделать ничего плохого. Отпусти

его.

Мужчина выполнил просьбу не сразу. Видя, что пациент не рыпается, отпустил. Тот уткнулся лицом в подушку и заревел.

— Говнюк, — заключил санитар, вытирая ладони о свои штаны. Будто запачкался.

Он отошёл к двери и предложил Анне выйти. Та помедлила.

— Побудь за дверью, я хочу ещё кое-что у него спросить.

— Ты уверена?

— Да.

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Пациент сжался в позу эмбриона, вызывая жалость своей беспомощностью. Анна подошла к нему. Вспомнив, с какой скоростью он действовал и как крепко её держал, сделала шаг назад. Чуть пригнувшись, чтобы расслышал он, но не услышал санитар за дверью, сказала:

— Расскажи, что ты видел?

Мужчина не ответил. Наконец перестал хныкать и теперь мерзко хрипел, пускал слюни, образовавшие небольшое мокрое пятно на подушке. Анну охватила злость. Она развернулась и направилась к выходу. Когда коснулась двери, мужчина всё же заговорил:

— Призрак. Но ты должна рассказать первой.

Домой Слава не уходил. Написал сообщение жене, что будет работать всю ночь. Однако усталость взяла своё раньше, чем он добился хоть каких-то результатов.

Проснувшись, умылся и начал снова рыться в Сети. Удобно разместившись в кресле, сняв ботинки, он закинул скрещенные ноги на стол. Не выспавшийся, раз за разом заваривал кофе и то и дело бегал курить, когда начинало клонить в сон.

На всевозможных картах, доступных в интернете, клиника была помечена как санаторий. И если само здание Слава разглядел, увеличив картинку с невысоким разрешением, то стоянку укрывали вечнозелёные ели, из-за которых отследить наличие автомобилей, а следовательно, и примерное количество сотрудников, оказалось нереально.

«Да и кому это нужно?» — подумал Слава. Тут же сам себе и ответил: «Хотя бы мне».

Поиски практически ничего не дали. У клиники, а точнее, у санатория «Лесная сказка» имелся свой сайт в интернете, но ссылка на него затерялась среди кучи других заведений с таким же названием. В отличие от них, на сайте *этой* «Лесной сказки» не было ни фотографий, ни списка врачей, работающих в санатории. Адрес значился, но снимки отсутствовали, кроме одного-единственного — логотипа заведения с

названием, что и на воротах в лесу.

Также был номер телефона, и Слава позвонил на него со своей второй сим-карты, неизвестной главврачу клиники. Механический голос вежливо принёс извинения за временные неудобства и пояснил, что в настоящее время в санатории ведётся ремонт, отчего посетить столь чудесное место пока не представляется возможным.

Когда понял, что успеха не добьётся, Слава переключился на врачей. Сначала ввёл в различные поисковики фамилию, имя и отчество главного врача, но никаких следов присутствия его в этом мире не нашёл. Тогда попытался найти Анну, однако и она не засветилась в вездесущем интернете. Ничего: ни социальных сетей, ни учебных заведений, где они учились, ни фотографий.

Слава мог бы обратиться к коллегам, специализировавшимся на подобной работе, но нельзя: дело-то «Особой важности», и посвящены в него только Слава и Бульдог.

Долгожданный звонок Кулешова раздался около полудня. Гриф согласовал ранее обсуждаемые вопросы с начальством и заявил о готовности предоставить базу данных с отпечатками сотрудников и пациентов клиники, а также их полный список. Слава поблагодарил доктора и хотел было уже пойти Бульдогу, как тот сам позвонил и вызвал к себе.

— Ну всё, — заявил он, едва Слава пересёк порог кабинета. Бульдог сидел за столом и бил пальцами по клавиатуре, набирая текст на компьютере с серьёзным и посвежевшим

лицом. — Дерзай. Добро получено, список тебе предоставят. Копии снять не дадут, но наши заверяют, что клиника заинтересована в сотрудничестве, препятствовать никто не станет. Обещают, что при необходимости даже устроят тебе экскурсию, правда, только там, где это необходимо для дела.

— А кто решает, где необходимо? — поинтересовался Слава, стоя у двери. Он подозревал, что разговор будет коротким, и не стал садиться.

— Вот у них и спроси. Ты же должен понимать: если препарат украли, то не для того, чтобы хранить его в клинике. Апеллируй к тому, что тебе нужно изучить пути выноса лекарства за пределы санатория, и попроси в этом помощи. Будь напористым, но вежливым. Глядишь, и покажут. Получилось в Сети чего накопать?

— Нет. Ничего — ни о санатории, ни о врачах. У заведения сайт хоть и есть, но информации там ноль. О главвраче и заведующей тоже.

— Я так и думал. — Начальник по-прежнему стучал по клавишам и смотрел в монитор. — Тогда только по старинке, путём наблюдения и изучения. Езжай. Мне нужен доклад о проделанной работе.

— Есть. — Слава покинул кабинет.

На этот раз, проследовав знакомым маршрутом, в кабинете Слава встретил приветливого, более благосклонного мужчину. Сегодня орлиный взгляд главврача сменился на мудрый, как у филина. И даже горбатый нос стал будто меньше походить на клюв.

Кулешов предложил Славе кофе и, получив утвердительный ответ, собственноручно налил две кружки. Затем поинтересовался, готов ли Слава к процедуре идентификации отпечатков пальцев.

— Конечно, — ответил Слава, глотнув горячий напиток. После морозного лесного воздуха кофе растёкся по телу приятным теплом. — Всю ночь готовился.

— Да, — подтвердил доктор, поставив свою кружку на стол и с интересом наблюдая за собеседником. — Когда посвящаешь себя такой работе, как у вас, времени на личную жизнь не остаётся.

Слава хорошо понимал, о чём говорил Кулешов.

— Я сам выбрал этот путь. Давайте перейдём к делу. Моё начальство сообщило, что согласовало несколько важных моментов с вами. Или не с вами, не вдавался в подробности. Скажите, можете ли вы устроить для меня небольшую экскурсию? Мне хочется понять, имел ли злоумышленник возможность вынести за пределы клиники ампулу и остать-

ся незамеченным.

Главврач откинулся на спинку кресла, размышляя над вопросом. Халат он не надел, плотный серый свитер визуально увеличивал его плечи в размерах. Шея была такая толстая, что, казалось, отсутствовала вовсе.

— Сомневаюсь, поможет ли, но почему бы и нет? Я предвидел ваше желание и уже проинструктировал Анну Алексеевну. Она устроит вам экскурсию. Сам я, к сожалению, занят, прошу понимания в этом вопросе. Но уверяю, девушка знает клинику не хуже меня.

Слава еле сдержался, чтобы не попросить другого «экскурсовода».

— Благодарю. Надеюсь, она будет приветливее, чем в прошлый раз. А вы случайно не предвидели, что я хотел просмотреть записи камер видеонаблюдения? В идеале в день кражи, день, предшествующий ей, и сутки после.

— Конечно! Удивлён, почему вы вчера не захотели их увидеть. — Замечание насчёт Анны Гриф проигнорировал.

— Вчера опросил много людей. К тому же вы наверняка лично просмотрели записи, но думаю, лучше всё-таки глянуть самому, так сказать намётанным глазом.

Слава сделал глоток кофе и сморщился. Ближе ко дну кружки напиток стал слишком сладким и крепким одновременно.

— Вы правы, посмотрел и ничего интересного не обнаружил. Распоряжусь, вам всё покажут.

Пока допивали кофе, Слава задал ещё несколько вопросов, скорее для того, чтобы положительно настроить собеседника, нежели они относились к делу. Когда спросил о прошлом главврача, тот ушёл от ответа, причём так ловко, что Слава даже и не знал, к чему придаться.

Он достал флешку, вставил в USB-порт моноблока и скинул на него электронную версию отпечатков пальцев, снятых с сейфа. Затем установил программу, позволяющую провести идентификацию. После всех приготовлений произвёл сравнение и обнаружил лишь одно совпадение. Отпечатки на сейфе, как снаружи, так и изнутри, принадлежали Бычковой Анне Алексеевне.

— В принципе, как я и предполагал, — сказал главврач, пристально наблюдавший за процессом. — Я давненько туда не заходил. Анна постоянно на месте и сама выполняет процедуру.

— А как же выходные? — Слава слышал этот факт от девушки, но вопрос «почему» так и остался без ответа.

Доктор пожал плечами.

— А что выходные? Инъекции производятся только по понедельникам и четвергам, в выходные она приезжает по собственному желанию. Я говорил ей, что это необязательно. Девушка полностью посвящает себя психиатрии. Такого работника днём с огнём не сыщешь. Правда, боюсь, как бы однажды не выгорела. Ещё эти её книжки фантастические... читает всякую дурь. Может, она так расслабляется, но этого

ж мало. Вот вы, товарищ майор, как расслабляетесь?

Вообще-то вопросы тут должен задавать Слава, а не зазнавшийся докторишка, но сегодня тот сама вежливость, так что не хотелось терять шанс установить близкий контакт.

— Провожу время с сыном. Для меня это лучшая разрядка.

— А-а-а... Понимаю, понимаю. — Главврач впервые за две их встречи улыбнулся. Зубы у него были на удивление белые. — Ладно, Вячеслав Сергеевич, приятно было пообщаться, но всем нам пора работать. Одну минуту.

Кулешов поднял трубку телефона, поднёс её к уху и нажал пару кнопок на крышке-накладке.

— Вызовите ко мне Бычкову.

Пришла Анна Алексеевна, любезно поздоровалась, и увела Славу на «экскурсию». Первым делом он попросил показать все основные и запасные выходы из здания, коих оказалось предостаточно. Когда осматривал двери, подступы к ним снаружи здания и внутри, Слава убедился, что рядом с каждым выходом имеются камеры видеонаблюдения. В некоторых местах — даже по две.

Сделав в блокноте кое-какие пометки, Слава с заведующей пришли в комнату охраны. Девушка попросила начальника службы безопасности предоставить необходимые записи. Сама ушла к себе в кабинет и сказала, что, если понадобится, Славу к ней проводят.

Начальник охраны — он представился Олегом — вывел

нужные видео на отдельный экран и просматривал вместе со Славой на быстрой перемотке. Где Слава просил, мужчина — такой же сбитый, как все сотрудники охраны, разве только постарше — останавливал запись и запускал стандартную скорость просмотра. За пятое, шестое и седьмое января ничего интересного Слава не заметил. Спустя время глаз замылился, и ему с трудом удавалось сохранять внимание. Когда начальник охраны собирался закончить, Слава попросил показать запись за ночь, предшествующую его первому посещению клиники.

Мужчина посмотрел на него с подозрением, но спорить не стал. Слава заметил, что Анна дежурила в ту ночь и периодически выходила из кабинета примерно с одинаковым временным интервалом, за исключением одного. Ближе к полуночи на очередной обход она вышла раньше, а вернулась гораздо позже, чем до этого. К тому же после обхода одна из камер показала, как девушка надолго ушла в туалет.

— Чего это? — поинтересовался Слава у начальника охраны.

— В смысле — чего? — голос мужчины звонко бил по ушам в тесном помещении охраны.

— У вас определено время обхода для дежурных врачей?

— Да.

— А почему она пошла раньше?

— Наверное, решила сделать это, чтобы не уснуть. Ночь долгая, а спать как бы не положено. Если уснёт в промежут-

ках между обходами, может не услышать будильник. А у нас с этим строго.

Слава чувствовал: вот-вот зацепится за что-то.

— А есть запись из помещения, куда она ходила?

— Есть, но думаю, это не имеет отношения к расследованию. Она посещает своё отделение, и прямых выходов отсюда нет.

— И всё же я хочу посмотреть.

Мужчина поводил мышкой, курсор быстро летал по экрану, и только сейчас Слава обратил внимание на руки начальника службы безопасности. На костяшках огромных кулаков имелись затвердевшие коричневые наросты, свойственные людям, занимающимся боксом или часто колотящим боксёрскую грушу. Слава пригляделся — тип и вправду похож на спортсмена.

Включив запись камеры, расположенной в коридоре психиатрического отделения, мужчина ускорил просмотр, но Слава попросил не делать этого. Вместе они проследили, как девушка вошла в помещение, поочерёдно заглянула в каждую палату, чуть подольше задержалась у одной из них и дошла до конца коридора. Там случилось непонятное. Школьница подошла к последней палате слева, отпрянула от неё, как от огня, и стала указывать на неё рукой, периодически поглядывая в сторону камеры. Слава попросил остановить видеозапись.

— Что там случилось? В палате кто-то набедокурил? —

спросил он Олега.

— Да нет. Пустая, как и две других напротив. Анне что-то привиделось. Я не вникаю. Тебе лучше у неё спросить или у главврача. Они об этом не распространяются.

— А твой охранник видел? — как-то само собой они перешли на «ты».

— Он не сразу заметил. Я ему выговор объявил за косяк. Не уследил.

— За что? Там же ничего не произошло.

— А ты дальше смотри.

Олег включил запись вновь, Слава уставился на экран.

Школьница вошла внутрь и через минуту выскочила оттуда, словно убегала от взбесившегося пациента-маньяка. Но если верить начальнику охраны, никакого пациента в палате не было и нет. Анна добежала до середины коридора, прежде чем её перехватил тот самый охранник, схлопотавший выговор. Сначала он попытался её успокоить, а когда она перестала вырываться, с пистолетом наизготовку пошёл к палате. Войдя внутрь, быстро вышел и, убрав оружие в кобуру, развёл руками. Жестом он подозвал Анну, и после её недолгого сопротивления они вместе заглянули в палату. Слава не стал просить Олега увеличить картинку, чтобы внимательнее рассмотреть лицо Школьницы. По движениям и так понятно, что она боялась.

— Чего она так испугалась? — спросил Слава, когда девушка с охранником покинули этаж.

— Ей кто-то привиделся там, но Дима — тот охранник — утверждает, что никого не было. И нет никаких следов, доказывающих обратное. Я верю ему.

— А ей?

Олег помедлил с ответом. Потом, поставив просмотр на паузу, повернулся к Славе. Лицо суровое, с глубокими носогубными складками, визуально старящими его. Чем-то напомнил Брюса Уиллиса. Только молодого, с волосами.

«Крепкий орешек!» — смекнул Слава и улыбнулся, понимая, что нашёл идеально подходящее прозвище.

Начальник охраны пробасил:

— Ей я тоже верю. Но тут такое дело. Работает она с полными психами, и давно. Живёт работой, почти не берёт отпусков, детей нет, не замужем. Баба есть баба. Может, устала, может, заработалась, может, переобщалась с пациентами, а может, всё в совокупности. Вот и результат. Поговори с ней сам. Вряд ли тебе удастся разговорить её, но вдруг?

— А в палате есть камера? — уточнил Слава.

— Сидели бы мы тогда здесь и смотрели эту запись? Нет, конечно. И в других палатах тоже. Много стало бы понятнее, если бы мы видели, что она там делала.

Слава попросил включить видео и досмотрел до того момента, когда Школьница вышла из туалета и удалилась в свой кабинет. На быстрой перемотке он убедился, что всю ночь она исправно ходила на обход в положенное время, но каждый раз её сопровождал санитар. По словам Олега, ничего

интересного на втором этаже больше не происходило. Слава проверять не стал.

— Спасибо, — сказал он в заключение. — Кто-нибудь проводит меня к Анне?

— Ты уже знаешь, где она. Не маленький. Думаю, найдёшь дорогу. Только без глупостей. — Олег обвёл руками воздух. — Я всё вижу.

— Я заметил. Но только почему-то не в палатах пациентов и не в кабинете, где хранится хрен знает какое секретное лекарство.

Возражений от Крепкого орешка Слава ждать не стал. Оставив за собой последнее слово, он отправился к Анне.

Данилу завели в кабинет к начальнику. Из случайно подслушанных разговоров полицейских он понял, что угодил в Отдел МВД по Нахимовскому району Севастополя. Теперь с руками за спиной, закованными в наручники, он стоял напротив худощавого лысеющего мужчины лет пятидесяти, в выглаженной форме с полковничьими погонами. Его щёки были впалыми, подбородок острым, а брови почти отсутствовали. Худые руки офицера лежали на столе, тонкие синие прожилки вен бросались в глаза.

Поразительно, но полковник выглядел в точности таким, каким предстал перед Данилой в видении, когда он общался с Тенью. Да и полицейские, пришедшие за ним в камеру, точь-в-точь, что и во сне.

В кабинете просторно, свежо, светло и уютно по сравнению с душной каморкой, где его допрашивали ранее. Солнце за окном близилось к закату, и на подоконнике можно было разглядеть тонкий слой пыли со следами чьих-то пальцев. На стене, за спиной полковника, висели портреты двух полицейских начальников и президента.

Данила хмыкнул. Какой-то опасный вирус до чёртиков пугал население, Крым невероятным образом вернули в состав России, бог знает какие ещё изменения произошли за время его отсутствия, но кое-что оставалось незыблемым подобно

самой вселенной: Путин.

— Вас что-то забавляет, молодой человек? — вяло спросил полковник. Голос его — сгусток усталости.

Данила взглянул на полицейского, стоявшего рядом. От напряжения у того по виску стекал пот. После сна Данила немного пришёл в чувства, но из головы не выходил тёмный силуэт на стене камеры, с которым он разговаривал. До сих пор не мог взять в толк, приснилась ему Тень или нет. Ощущение удушения было очень даже реалистичным.

— Не забавляет. Смотрю вот, президент прежний, хотя семь лет прошло. Стабильность. — Данила опустил взгляд и посмотрел на ноги. В носках, которые ему выдали, только теперь заметил дырку в области большого пальца. С досадой ощутил себя жалким и как никогда уязвимым. «Хоть бы шлёпки какие-нибудь выдали, козлы», — подумал он и взглянул на собеседника.

Выцветшие серые глаза полковника сканировали задержанного, но тот не обращал на это внимания. Что Даниле обычный человеческий взгляд по сравнению с тёмными силами, с которыми вдоволь наобщался в последнее время.

Полковник снова заговорил:

— Ты же будешь послушным, да, парень?

— Да куда уж мне с дырявыми-то носками?

Полковник кивнул головой полицейскому. Тот молча покинул кабинет.

— Мне доложили, какую несуразицу ты нёс на допросе,

— сказал он, когда остались вдвоём. — Признаться, я заинтригован и жду подробностей. Не думай, что верю во всю эту чепуху, но поёшь складно. — Мужчина достал из выдвижного ящика стола паспорт, военный билет, а также фотографию Данилы с Леной.

Даниле очень хотелось есть, а ещё больше — пить, но, видимо, чтобы что-то получить от полицейских, ему нужно дать нечто ценное взамен.

— Весной две тысячи тринадцатого года меня в составе группы антитеррора прикомандировали на буксир Черноморского флота «МБ-205». Помимо меня в группе на судне находились ещё шестеро морпехов, включая командира — старшего лейтенанта Умарова. Часть из них погибли, часть пропали без вести, как и экипаж. Спустя почти полтора месяца после выхода из Севастополя, в Аденском заливе, мы попали в некую аномальную зону — зону тумана. Связь похерилась, большинство людей исчезло, другие погибли при неизвестных обстоятельствах. Выжившие — это я и ещё несколько человек — попытались покинуть корабль на шлюпке, но не вышло. Оставшись на судне, мы подверглись влиянию неизвестных природных или искусственных явлений, мы называли их Импульсами. Это привело к тому, что постепенно погибли все. Почти. Выжили только трое — я, девушка на той фотографии у вас на столе и ещё связист с ампутированной ногой. Мы решили взорвать корабль во время нового Импульса, предположив, что таким образом

откроется портал в наш мир. Очевидно, сами мы находились в параллельном измерении. Если вкратце, то примерно так.

Полковник слушал внимательно. Не перебивал, не делал наигранно удивлённый вид. Когда Данила закончил рассказ, мужчина пару минут молча обдумывал услышанное. То, что не рассмеялся в голос, не повертел пальцем у виска, делало ему честь.

— Ты понимаешь, как это звучит, товарищ Кравцов? Или как тебя ещё называть?

— Можно просто Данилой. Понимаю. Я бы тоже не поверил, если бы не прошёл через всё сам. Мою личность легко проверить. В части наверняка остались те, кто меня помнит. Если увидят, признают. У меня только номеров телефонов нет, наизусть я не помню ни одного.

— Номера в любом случае поменялись. В Крыму теперь российские операторы связи, и симки соответственно. Скажи, кто может до сих пор служить и помнить тебя?

Данила прокрутил в голове возможные варианты, но все его приятели собирались после контрактов увольняться, оставалось надеяться только на офицеров.

Наручники доставляли всё большее неудобство: запястья горели, а сведённые за спину руки ныли в плечах. Данила хотел поскорее закончить разговор, и его осенило.

— Точно! Товарищ полковник, есть у меня такой человек. Мой комбат — подполковник Ткаченко. Он довольно авторитетный офицер был в наше время, его многие знали. Ес-

ли на пенсию не ушёл, опознает меня. Такому человеку поверите?

Начальник отдела поднял бровь.

— Если ты говоришь про Максима Петровича, то мы с ним хорошо знакомы. Прямо сейчас ему и позвоню. Уверен, что опознает тебя?

— Полагаю, даже по голосу.

— Что ж, смотри старший сержант.

Полковник взял со стола смартфон и отыскивал номер. Сделал вызов и включил громкую связь. Пока шли гудки, сказал:

— После событий две тысячи четырнадцатого года твоего комбата повысили. Под Симферополем новую часть сформировали, его начальником штаба туда назначили. Когда мы последний раз виделись, он ещё служил, хотя уже мечтал о пенсии.

«Все великовозрастные военные мечтают о пенсии, кроме генералов», — подумал Данила.

Гудки прекратились, вызываемый абонент не ответил.

— Перезвонит. А тебе придётся пока посидеть в камере. Не будь с тобой документов, мы бы тебя в психушку упекли, а так — пока подождём. Ты говорил про какие-то Импульсы, поясни.

Теперь Данила хотел оттянуть время и в подробностях описал действие тех вспышек на людей. Добавил случай с вросшей в корабль ногой связиста и прочие детали. Выслушав его, полковник спросил:

— И алкоголь помогал против этих Импульсов?

— Худо-бедно.

— Очень удобно.

— Я бы поспорил. Мы так не считали. Приходилось постоянно под мухой ходить, а это не так-то просто, если ты не заядлый алкаш.

Полковник не выдержал и всё-таки рассмеялся, но Данила на него не злился. Он слышал себя как бы со стороны, и самому история казалась бредом.

Начальник отделения успокоился и взглянул на лежащий на столе телефон, убедился, что ему не перезванивают, и снова заговорил:

— А тот тип, связист... Ты говорил, его нога ушла в корпус корабля. Почему?

В памяти всплыла ужасная картина. Данила отлично помнил, как впервые увидел Серёгу вросшим в палубу.

— Связист зачем-то хотел проверить, что будет, если не пить. Не знаю, какую цель преследовал, но произошедшее ещё раз доказало, что бухать всё-таки нужно. Правда, запасы синьки рано или поздно закончились бы. Хрен знает, что бы мы делали без неё.

— И как решили проблему того мужика?

— Я отрезал ему ногу.

Полковник смотрел с неподдельным интересом. Казалось, история увлекла его. Хотя воспринимать её всерьёз никак не мог.

— Откуда такие познания? Вас там в пехоте учат ноги ампутировать? Ты ж вроде не медик?

Данила нутром чувствовал, что рассказывать правдивую историю сотрудника никому неизвестной Конторы не стоит. По крайней мере, пока. Поэтому соврал, не стал говорить, что сам Серёга ему и объяснил, как всё повернуть.

— Действовал наобум. Каждый своё мнение высказал, что знает об этом. Ну, вроде получилось. Мы его напоили до бессознательного состояния, потому он перетерпел операцию и даже выжил. Изначально.

— После взрыва ты оказался на пляже в Любимовке. Почему именно там? И ещё. Ты утверждаешь, когда разожгли костёр и стали ждать взрыв, та девушка, Лена, была жива. Где она в таком случае? А безногий?

Данила размышлял об этом всё время, пока пребывал в сознании.

— Не знаю, — выдавил он, почувствовав, как силы вновь его покидают. — Думаю, я оказался на пляже, потому что представил его себе. До командировки любил ходить туда. Получается, единственное место, куда хотел перенестись из того кошмара. Товарищ полковник, отпустите меня. Я не опасен.

Начальник отдела посмотрел в глаза задержанному.

— Сначала надо всё прояснить.

Данила не выдержал.

— Это же легко проверить, товарищ полковник! Пусть в

части я не числюсь, но у вас мой паспорт. У вас же есть выходы по всяким там говнобазам данных или ещё как, я в этом не шарю. Должен быть способ!

Начальник по-прежнему сохранял каменное выражение лица, но неприязни к себе Данила не ощущал.

— Мы всё проверили. Думаю, ты сильно удивишься, если узнаешь, что Данила Кравцов, за которого себя выдаёшь, покоится на севастопольском кладбище, где власти выделили отдельный участок для погибших на МБ-205, причём сделано это было ещё при Украине. Договорились на высшем уровне. Позже в городе мемориал даже возвели в память о них. Я прекрасно помню то время, по новостям только об этом и трезвонили. Особо не вникал, моих знакомых на том корабле не было, но история вертелась у всех на слуху, а паниковавшие родственники устраивали пикеты, осуждая власти и командование флота в бездействии. Им почему-то невдомёк, что на глубине тысяча восемьсот метров, где нашли корабль, выжить никто не может. Ну да ладно. На всякий случай я отправил на кладбище своего сотрудника сделать фото твоей могилы, очень сомневаюсь, что там твоё лицо. Хотя признаюсь, когда увидел в интернете, удивился. Но в сети гораздо легче подменить, чем на мраморном надгробии, если фотография там вообще есть. Доверяю я одному источнику. Через федеральную базу скоро сравним твои отпечатки. И знаешь что? Если ты тот, за кого себя выдаёшь, то дактилоскопия это подтвердит. Ты же проходил её, когда

в армию призывался? Вот если и там числишься умершим, тогда, наверное, я тебе поверю.

Данила опустил голову и покачал ей из стороны в сторону.

— Вы охренеете, поняв, что я тот, за кого себя выдаю.

Полковник не ответил. Он окрикнул полицейского, что стоял за дверью. Когда тот вошёл, офицер отдал указания:

— Задержанного напоить и накормить. Оставить в покое до моих дальнейших распоряжений. Пусть отдохнёт. А ты, — полковник обратился к Даниле, — дозвонюсь до твоего комбата и решу, что дальше с тобой делать. Если он ничего не подтвердит, хорошенько подумай, о чём будешь говорить. Мне хочется тебе верить, но я привык доверять фактам. Твои документы побудут у меня. Представляю, что будет, если вдруг твоя личность подтвердится. Уж не знаю, где ты шатался семь лет, но привиделось тебе точно не то, что произошло на самом деле. Уведите его. — Закончил полковник, и подчинённый вывел Данилу из кабинета.

Анна сидела в кабинете и никак не могла сосредоточиться на работе. События в палате её пациента не выходили из головы.

Откуда он мог знать?

Неужели тоже видел ту девочку?

Если да, как такое возможно?

Была бы Анна уверена, что видела малышку одна, меньше сомневалась бы в нереальности произошедшего. На видео девочка отсутствовала, как и в палате, в чём сначала убедился прибежавший Дима, а потом санитар, медсестра и она сама. Но если на секунду предположить, что Максим — имя придумала ему Анна — который, кстати, не спал в ту ночь, тоже видел девочку, то это многое меняет. И всё же, даже если так, неясно, куда кроха испарилась. А поверить, что у Анны и у её пациента в одну ночь случилась одна и та же галлюцинация, просто нереально.

В дверь постучали.

— Войдите. — Анна не знала, радоваться или нет, что её отвлекают от размышлений.

В кабинет вошёл уже знакомый сотрудник ФСБ. Высокий, с небольшим дипломатом в руке. Чёрные кудри чуть взъерошены, а вытянутое лицо покрыто щетиной. При этом острый подбородок, казалось, смотрел прямо на Анну, как кон-

чик стрелы у лучника, нацеленный на потенциальную жертву. Тёмно-коричневый свитер с высоким горлом плотно сидел на худом теле.

— Можно? — спросил мужчина.

«Да уж, такому попробуй не разреши. Всю подноготную перелопатит и всё равно найдёт, к чему придраться». Пожалуй, ему под сорок. Главврач говорил, что в звании майора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.